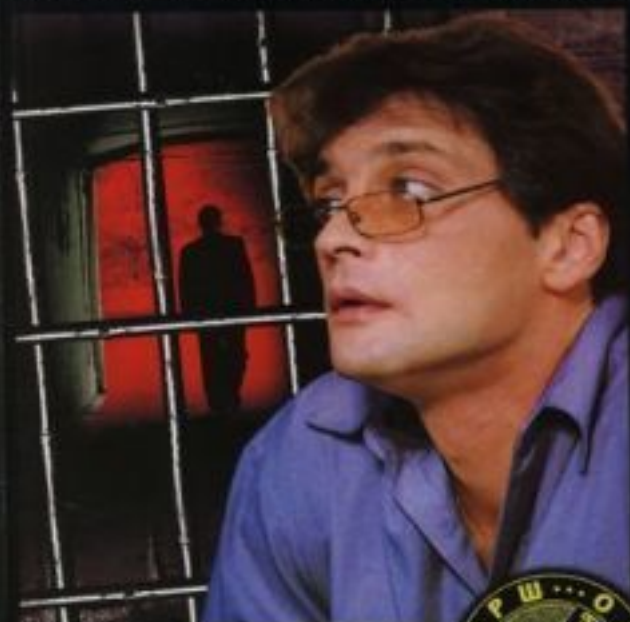

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Встретимся
в суде

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Встретимся в суде

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Встретимся в суде / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Валентин Баканин, сорокалетний глава концерна «Зевс», попал в СИЗО уральского города Александрбург по ложному обвинению в убийстве. На самом деле партнеры Баканина по бизнесу, которых он считал друзьями, постарались убрать его с дороги, воспользовавшись услугами нечистых на руку сотрудников прокуратуры и милиции. Потребуется вмешательство Александра Турецкого, чтобы восстановить справедливость... Роман поднимает важную тему коррупции в правоохранительных органах.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
Первая картина из прошлого СОЮЗ ВЕСЕЛЫХ И НАХОДЧИВЫХ	13
Вторая картина из прошлого РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фридрих Незнанский

Встретимся в суде

ПРОЛОГ

Они были молоды.

Они были молоды и красивы – так, как способны быть красивы только начинающие жить люди, в чертах которых проступает неумная жажда действия. В отличие от своих сверстников они не были беспечны: разумную заботу о завтрашнем дне выдавало то, что они старательно получали образование в Уральском политехническом институте, расположенном, как известно, на территории славного Александрбурга. Они грызли гранит науки, мечтая о скором применении своих знаний на практике. Перед ними лежал, готовый покориться им, целый мир. Они готовы были своротить горы... Первым делом – Уральские, а там уж – какие придется.

А главное, они были дружны. Это была дружба, которую, верилось, не под силу разрушить ни деньгам, ни женщинам. Это была дружба, которая превыше всех сиюминутных обстоятельств. Это была дружба, которую описывают в романах.

– Пройдут годы, – сказал как-то раз тот из них, кого они меж собою признавали за главного, – пройдут десятилетия. Страна изменится, возможно, изменимся и мы... Давайте не меняться в одном! Давайте поклянемся: что бы ни случилось с каждым из нас, другие готовы будут в любую минуту прийти к нему на помощь.

– Ты чужак какой-то, Валька, – усмехнулся тот, кто тоже иногда выступал в роли главного, хотя по сути им и не был. – Зачем клясться, зачем плести высокие словеса? Мы же и так – бригада!

И точно, они стали бригадой. «Бригадой реаниматоров» – так звали их люди, которым они приходили на помощь.

А вот себя спасти не смогли...

Пансионат «Уралочка» под Александрбургом, 25 октября 2005 года.

Рубен Айвазов

После десяти часов вечера территория пансионата «Уралочка» словно вымерла. Ни одной живой души, только ветер беспрепятственно гуляет в безлистных кронах деревьев, клоня их набок. Летом, в сезон отпусков, здесь всегда много народу, и в выходные, бывает, кое-кто навещается – даже зимой. Какой-нибудь оригинал способен приехать на один день, без ночевки, чтобы забрать в город что-то, забытое посреди лета и внезапно понадобившееся. Но поздний вечер среды в конце холодного октября не оставлял надежды на человеческое общество. Правда, в пансионате работали гастарбайтеры, но они рано ложились спать. Обезлюдившие дома возвышались черными громадинами, и бессветные окна их были слепы.

Единственный дом, в котором из-за желтых занавесок приветливо сияло электричество, принадлежал исполнительному директору всех пансионатов, объединенных названием «Уралочка» – Рубену Айвазову. Электрический прожектор ярко освещал также прилегающую к дому территорию. Слышался звон цепи и радостное взвизгивание.

– Ешь, Злодюжка, – ласково приговаривал Айвазов, вываливая в железную миску порцию собачьих консервов, – кушай, дружок.

Рубен Айвазов был единственным, кому здоровенная кавказская овчарка по кличке Злодей позволяла обращаться с собой подобным образом. Даже его жену, Милену, он не признавал за хозяйку, и, когда Рубен задерживался на работе, пес сидел некормленный, потому что Милена не рисковала приближаться к миске, возле которой угрожающе топталось это похо-

жее на пещерного медведя чудовище. Правда, дочь Милены, Оксану, Злодей любил, но в том ничего удивительного нет: на белом свете, надо полагать, не появилось существо, человек или зверь, способное причинить вред такому ангелу, как Оксана...

Покормив собаку, Айвазов быстро взбежал на крыльцо – не потому, что испугался чего-нибудь, просто октябрьский ветер слишком пронзительно забирался под куртку. Милена встретила его в холле, поспешно захлопнула за Рубеном железную дверь и закрыла ее на все замки, изготовленные по эксклюзивному заказу. Расстегнула на нем куртку и пропустила под нее руки, обхватив мужа вокруг талии. Рубен Айвазов, который в последнее время все чаще вспоминал, что ему уже сорок, и что его курчавая, как у негра, шевелюра покрывается инеем кавказской почтенной седины, и что надо следить за собой, чтобы не растолстеть, как свинья, рядом с Миленой забывал обо всех этих неприятных обстоятельствах. Рядом с Миленой он становился двадцатисемилетним, как она, гибким, как она. Они располагали единым совокупным телом, которое тянулось к всяческим наслаждениям.

– Хочешь? – почти без голоса, одними влажными губами, спросила Милена и сама же ответила: – Хочешь.

Тело подсказывало Рубену, что он, конечно, хочет того же, чего и Милена. Но, помимо тела, он располагал еще и рассудком. Поэтому, слегка высвободившись, он спросил – негромко, но без интимного шепота:

– Оксанку уложила?

Милена мотнула головой. Вдоль лица упала соломенно-русая прядь, прикасаясь к губам:

– Ты о чем? Когда она нам мешала?

– Ну нет, при чем тут «мешала»? Дело-то не в этом. Время позднее, погода плохая, дети должны спать. Так что давай-ка, устрой ее, пожалуйста. А после мы займемся, – Рубен улыбнулся, обрисовав глубокие, точно выжженные, восточные морщины в углах рта, – всем, чем надо.

Милена не обиделась, не стала возражать: она была хорошей, правильной женой для такого мужа, как Рубен Айвазов. Она послушно поднялась на второй этаж, где помещалась детская. Оттуда не доносилось ни звука, точно в доме не было ребенка. Однако ребенок в доме был. Обворожительной красоты девочка: золотые локоны, сметанно-белая кожа, нежный румянец щек, небесной голубизны бездонные глаза с длиннейшими загнутыми черными ресницами. Выпитая кукла! Сходство с куклой подкреплялось тем, что Оксана целые дни способна была проводить неподвижно, точно забытая в углу игрушка. Она никогда не давала понять, что необходимо поменять памперсы, которые ей, несмотря на шестилетний возраст, поддевали под колготки; она никогда не просила есть, и если бы ее решили совсем не кормить, так и умерла бы от голода – безропотно, безмолвно, как жила.

Если раздвинуть золотистые волосы, на детской головке обнаружится грубый шрам: когда Оксана родилась, часть ее мозга отвратительной, обвитой сосудами шишкой выступала наружу через отверстие в черепе. Ребенка оперировали нейрохирурги на первом месяце жизни. Обещали, что интеллект будет развиваться нормально. Не развился... Отец Оксаны – первый и пока что единственный мужчина, побывавший законным Милениным мужем, – убеждал, что девочку нужно сдать в учреждение для неизлечимых и забыть о ней. Не убедил. Исчез сам – в дочкин день рождения, когда Оксане исполнилось два года. Посчитал величайшей глупостью праздновать рождение той, кому на роду написано быть бесполезным бременем для близких и общества. А вот Милена так не считала. Милена упрямо праздновала Оксанины дни рождения, балуя ее в эти дни вкусеньким, хотя девочка не отличала торт от овсяной каши. Милена упрямо покупала Оксане игрушки, хотя девочка не умела в них играть и в лучшем случае останавливала на них взгляд своих ко всему безразличных красивых глаз. Милена упрямо читала Оксане стихи и сказки, хотя девочка ни разу не дала понять, что их содержание ее трогает. В конце концов Милена нашла для дочери самый лучший на Урале интернат, где педагоги и

психологи занимались развитием крох ума таких вот особенных деток, где Оксану научили ходить, не падая, и отличать «горячо» от «холодно» и «сухо» от «мокро», – но откуда Милена все-таки забирала дочку на время выходных и отпусков, потому что была привязана к ней всей душой...

Во всем этом Милена призналась Рубену после недельного знакомства... Впрочем, подходит ли холодное, стереотипное слово «знакомство» к тому, что между ними произошло? Надлежит выражаться в библейском стиле: они познали друг друга. Вопреки тому, что с первого взгляда испытали друг к другу чуть ли не отвращение... Милена Бойко, репортер уральской телепередачи «Чрезвычайное происшествие», прибыла к Айвазову, тогда одному из ведущих сотрудников фирмы «Уральский инструмент», всячески пытаясь связать честное имя фирмы с организованной преступной группировкой «Заводская», которая контролирует строительный бизнес Александрбурга. Айвазов, не причастный к криминалу ни сном ни духом, дал согласие на телевизионное интервью, чтобы развеять эти нелепые слухи; отвечал подробно, но неприязненно. Его раздражало, что при такой красоте, как у этой высокой натуральной блондинки, женщина способна быть отъявленной стервой, – а как еще вы назовете тележурналистку, пытающуюся поймать вас на слове? В процессе интервьюирования произошло недоразумение: оператор, подведя камеру слишком близко, ткнул Милену в плечо – очевидно, весьма чувствительно и неожиданно, потому что она, вскрикнув, выронила микрофон. Айвазов ловко поймал его на лету. Их руки соприкоснулись. Что за искра проскочила между ними? Даже если это было и электричество, микрофон здесь ни при чем. Есть язык тела, есть язык кожи – и, вероятно, самые важные слова между мужчиной и женщиной говорятся на этом языке. Всю последующую неделю, исключая рабочие часы, Рубен и Милена провели вместе, познавая друг друга всеми способами, в том числе и тем, что в Библии подразумевается под словом «познать». К концу недели стало ясно, что это не просто увлечение. Тогда-то Милена, отвернувшись к окну, сухим, бесстрастным голосом, за которым скрывалось постоянное привычное горе, поведала ему об Оксане. И предложила расстаться немедленно, потому что если они побудут вместе еще немного, то расставания могут и не пережить.

Любого другого мужчину смутило бы «приданое» в виде умственно неполноценного ребенка. Любого – только не Айвазова. Он действительно полюбил Милену настолько, что его ничто не способно было смутить. Наоборот, ему понравилось, что жесткая, энергичная репортерша так предана своей дочери: в традиционной армянской семье Айвазовых все женщины были преданы своим детям. Если Милена не бросила больного дитя и при этом нашла в себе силы сделать карьеру на телевидении, значит, не пустышка, а настоящий человек. А при виде Оксаны Рубен был ранен в самое сердце этим несчастьем в прекрасной оболочке. Живая кукла, бедный заблудившийся ангел в памперсах... Айвазов сразу сказал, что сделает для Оксаны все, что только в его силах, – и выполнял свое обещание. Только вот в силах его находилось, увы, немного. Если бы он был врачом, тогда – может быть. Но он – прирожденный технарь...

И отличный технарь, что подтверждают все, кому удалось соприкоснуться с его профессиональной хваткой. В некотором смысле ему и довелось побывать врачом: даже называли его реаниматор. Вот только спасал он не людей, а предприятия – вместе с друзьями студенческих лет. Все это в прошлом, однако Рубен частенько вспоминает это славное время, когда хочет доказать самому себе, что значительная часть жизни прожита не зря. Ведь каждое спасенное предприятие – это сотни, иногда тысячи людей, которых удалось уберечь от безработицы, нищеты, возможно, самоубийства... Кто же он, спрашивается, как не реаниматор?

При всем своем профессионализме Рубен Айвазов иногда жалел, что он не медик. Если бы он умудрился вылечить Оксану, Милене волей-неволей пришлось бы выйти за него, – хотя бы из благодарности. А так, несмотря на счастливейшие три года, проведенные вместе, их брак оставался незарегистрирован. Рубен неоднократно уговаривал Милену расписаться, но первый развод, очевидно, все еще саднил незажившей раной у этой женщины, сильной, как мужчина.

Милена свыклась с мыслью, что матери-одиночке с ребенком-инвалидом нужно рассчитывать только на себя, и, несмотря на всю заботливость, которой Рубен окружал ее и Оксану, переубедить любимую женщину он пока не сумел. В последние месяцы он перестал настаивать, уповав на то, что его любовь со временем переборет Миленины предрассудки.

В конце концов Рубен придерживал еще один козырь в заглавнике: несколько дней назад он имел беседу с известным московским психоаналитиком, у которого вся элита лечится от ожирения и депрессий. Психоаналитик предположил, что первопричина Оксаниного состояния кроется не в органическом поражении головного мозга, а в аутизме! Он раньше работал с аутичными детьми, и не без успеха... Денег он пока никаких не возьмет, потому что до начала работы ничего предсказать нельзя и нет никаких гарантий результата, но думает, что стоит попробовать. Теперь Рубен обмозговывал, под каким соусом преподнести эту новость Милене. Милена ко всем новым методам Оксаниного лечения относится настороженно, потому что очередное крушение надежды заставляет ее страдать. Но Рубен найдет нужные слова. Он скажет, что попытаться стоит хотя бы для того, чтобы после не сожалеть об упущенных возможностях...

Над безлюдной пожухлой октябрьской территорией пронесся звонок: кто-то стоял у двери в заборе и требовал, чтобы его пустили. Кого это на ночь глядя принесла нелегкая? Впрочем, Рубен Айвазов не слишком удивился: при занимаемой должности к нему обращались в любое время суток... А если в единственный обитаемый сейчас коттедж пансионата хочет проникнуть кто-то подозрительный, пусть утрется: дверь в заборе, как и дверь дома, оборудована по последнему слову техники. Эти двери невозможно ни взять отмычкой, ни поджечь, ни взломать. Взорвать можно, но уж больно мороки много!

– Кто там? – спросил Айвазов в переговорное устройство.

– Открывай, Кинг, это мы!

На втором этаже Милена Бойко уже сменила дочери штанишки и начала переодевать ее в ночную рубашку, когда услышала, что кто-то пришел. Рубен не стал спускать Злодея с цепи, да и пес не залаял, значит, пришел кто-то свой. Кто-то, принадлежащий к ближнему кругу Рубеновых друзей. Милена мимоходом отметила, что занятия любовью отменяются, и эта мысль родила в ней секундное раздражение, но Милена остановила себя: если кто-то пришел так поздно, значит, дело срочное и важное. Она тележурналист, она прекрасно понимает, что такое срочное дело. И, кроме того, друзья Рубена – ее друзья. Эти замечательные люди просто и естественно приняли ее, точно свою. Ей особенно нравилась Марина Криворучко, интересная собеседница и элегантная женщина: хотела бы Милена выглядеть так, как она, в свои сорок лет! Муж Марины, на Миленин взгляд, проигрывает по сравнению с женой, но это уж их семейные проблемы, это не обсуждается... А Валентин Баканин, который сейчас в Москву переехал, вообще уникальный человек. Глава концерна «Зевс», мощный, как бог-громовержец, и при этом ничуть не рисуется, никакой важности. Компанейский, остроумный, умеет при случае рассказать анекдот, да еще как артистически! Умеет отдыхать, умеет и работать. Это именно он в далекие годы перестройки, когда все было доступно для предприимчивых и сообразительных, сколотил «бригаду реаниматоров», которая потом вполне легально, безо всякого криминала, по праву овладела уральскими заводами. И своим нынешним положением Рубен обязан ему. Валентин Баканин вовремя сообразил, что жилье в России неминуемо пойдет в цене вверх. Причем в течение не одного года, а многих лет. Понимая ценность жилой собственности, на прибыли от уральских заводов он стал строить комфортабельные частные дома – и не только под Александрбургом, но и под Москвой, под Сочи. Именно в этих районах собственные дома и квартиры стоят больше всего. Помимо частных домов, фирма «Уральский инструмент» выстроила под Александрбургом, под Москвой и под Сочи комфортабельные пансионаты под общим названием «Уралочка». Пансионаты оборудованы на славу и дают отменную прибыль устроителям этого бизнеса. Каждый год соучредители получают

большие деньги, и больше всех Валентин Баканин, инициатор этого мероприятия и главный акционер собственности. А исполнительным директором пансионатов «Уралочки» Баканин назначил своего друга Рубена Айвазова. Вот так и получилось, что тем самым он повысил и Миленино благосостояние...

Вот он какой, Баканин. Милена даже пожалела, что выбрала Рубена, а не его... Шутка. Глупая шутка. На самом деле, кроме Рубена, ей никто не нужен. Он лучший для нее мужчина на земле. И если она до сих пор не соединила с ним свою жизнь, то лишь потому, что боится отяготить его собой... своими обстоятельствами... Милена заглянула в Оксанино личико, на котором, как всегда, не отражалось ни тени мыслей и чувств. Когда-то, давным-давно, болезнь дочери служила для Милены источником приступов отчаяния и ненависти – к девочке, к себе, ко всему равнодушному здоровому миру. Теперь она привыкла. Теперь ее не сломить никакому несчастью. А вот возможность счастья, к сожалению, выбивает из колеи...

Снизу донесся негромкий хлопок, вслед за тем – легкий вскрик и грохот, словно упал какой-то предмет мебели. «Что они могли там уронить? – гадала Милена. – Шкаф с посудой? Ну нет, столько дребезга было бы! Тогда – стол? Нет, стол дал бы менее сложный, что ли, более компактный звук...» Ничего, вот сейчас поднимутся, она сама их спросит...

Мужские шаги раздавались уже на лестнице, приближались к двери комнаты. Милена подняла с кровати уложенную было Оксану, поправила на ней оборочки расфуфыренной, как платье, ночнушки. Оксана, как обычно, пассивно повиновалась. Ей непонятна была потребность выглядеть перед гостями лучше, чем без гостей. Однако Милена не чуждалась желания показать, какой красивый у нее ребенок.

Дверь распахнулась. Но за ней Милена не увидела человеческих лиц. Главное, что сосредоточило на себе все ее внимание, было черным провалом дула пистолета.

В число Милениных постоянных страхов входила боязнь того, что Оксана, когда вырастет, способна стать жертвой сексуального аппетита какого-нибудь мерзавца – с ее-то покорностью и красотой! По крайней мере, этому страху не суждено было сбыться, поскольку Оксане не суждено было стать взрослой. Девочка погибла первой, на глазах у матери. Оксана только всплеснула ручками – то ли пытаясь заслониться, то ли удивляясь новой блестящей игрушке, Милена так и не узнала – и упала на кровать, заливая кровью рубашку и постельное белье, испещренное розовыми зайчиками. Страдальчески вскрикнув, точно пуля рикошетом ударила в нее, Милена склонилась над своей единственной бесценной зайницей, не обращая внимания на оружие. Вторая пуля отправила мать вслед за ребенком.

Пятнадцать минут спустя в доме стало тихо. Ни человеческого голоса, ни шагов. Ни единого звука, кроме зловещего гула и потрескивания пламени...

Пансионат «Уралочка» под Александрбургом, 27 октября 2005 года.

Виталий Петренко

– Громкое дело. Это плохо, – сказал себе Виталий Петренко, почесав в затылке, и бдительно огляделся: не услышал ли кто-нибудь его изъяснение чувств?

Следователь Петренко из межрайонной прокуратуры города Сысерть имел право на свое мнение. И уж тем более он имел право сказать то, что сказал. О преступлении на территории пансионата «Уралочка» под Александрбургом твердили практически все СМИ – и местные, уральские, и центральные. Дело получалось громким. А отсюда вытекало обилие путающихся под ногами журналистов, пристальное внимание начальства, критика сверху и снизу – и все это, как водится, мешало рутинной работе, осуществлению запланированных следственных мероприятий... Уф-ф, кош-шмар! А прокурор еще усмехнулся, нагрузив его делом об убийстве Айвазова и семьи: мол, благодеяние Петренко оказывает. Мол, если раскроет – сразу на повышение... Благодетель называется! Как все нормальные следователи, Петренко не страдал отсутствием честолубия, но вместо того, чтобы возиться с убийством Айвазова под прицелом

телевизионных софитов, предпочел бы расследовать заурядную кражу козы у бабы Евдохи из деревни Верхние Белые Тапочки. Или, на худой конец, резаться с компьютером в домино. В домино, карты и прочие азартные игры, победа в которых диктуется случаем, Виталий играл исключительно с компьютером, потому что обыгрывать живого соперника не любил. Каждый раз, обыграв приятеля или дорожного попутчика, Петренко чувствовал себя виноватым, будто обидел человека, не сделавшего ему ничего плохого. Тогда как ставить, условно выражаясь, шах и мат подследственному, сдающемуся под напором улик, Виталию очень даже нравилось... Вот и пойми его сложную натуру!

Виталий Петренко решил не обращать внимания на телевизионную и газетную шумиху. Или, по крайней мере, очень постарался не обращать внимания. Собака лает – караван идет, как гласит арабская народная мудрость. Петренко не нужна шумиха. Ему нужно досконально выяснить, что же произошло поздним вечером 25 октября. А выяснить уже удалось немало...

Пожарных вызвали строители-молдаване, которые работали и временно проживали в коттедже на краю поселка. Они рано легли спать, однако проснулись от запаха гари и, подбежав к окну, заметили вблизи мутное дымное зарево. Тут же позвонили по номеру местной пожарной службы. Красная машина с лестницей добиралась до их захолустья неторопливо: крыша трехэтажного особняка, находившегося в собственности Айвазова, успела провалиться и проломить потолочное перекрытие. Молдаване думали, что пожарным придется потрудиться, чтобы попасть на территорию айвазовского участка: директор фирмы «Уралочка», насколько они успели его узнать, отличался большим пристрастием к самосохранению и всегда запирался на множество сложных замков. Однако дверь в солидном заборе оказалась открыта и это стало первым вестником беды. А во дворе рвался с цепи и выл истошным, почти человеческим голосом огромный пес, кавказская овчарка; ветер относил пепел горящего дома и языки огня в его сторону. Рабочие хотели освободить собаку, но поостереглись, потому что злобный нрав этого зверя страшал весь поселок. Но вообще-то потом, когда пса сняли с цепи пожарные, выступившие в роли спасателей, он ни на кого не напал, а убежал, поджав лохматый хвост. Так до сих пор и слоняется по окрестностям, принимая пищевые подачки, тихий и на себя не похожий. Можно было бы сказать, что он сошел с ума от пережитого, если только животных тоже постигает сумасшествие.

Но хватит о собаке! Гораздо более душераздирающие открытия поджидали внутри дома. Когда брандмейстерам удалось справиться с огнем, они обнаружили на первом этаже труп смуглого черноволосого мужчины лет сорока, незначительно пострадавший от пламени, хотя одежда на нем тлела. Рабочие сразу же опознали в нем хозяина дома, Рубена Айвазова. Можно было бы предположить, что он умер, задохнувшись в дыму пожара, если бы не явственное пулевое отверстие в груди, прямо против сердца. На втором этаже под обломками перекрытий нашли два тела – большое и маленькое – изуродованные до неузнаваемости. Исходя из того, что с Айвазовым проживали Милена Бойко и ее шестилетняя дочь Оксана, напрашивалось предположение, что останки принадлежат им.

Виталий Петренко видел прижизненные фотографии Милены и Оксаны Бойко и мог оценить, насколько привлекательной женщиной была Милена, какой красивой девочкой – Оксана. Ничего общего с обугленными скорченными корягами, непохожими на человеческие тела. Черные, усохшие руки и ноги согнуты – «поза боксера», так называется своеобразный вид, который приобретает труп при обгорании. Судебно-медицинское заключение гласило, что повреждение огнем носило не прижизненный, а посмертный характер: на это указывало отсутствие копоти в трахее (значит, не успели вдохнуть дым) и то, что вокруг глаз не наблюдалась светлая кайма неповрежденной кожи (обычно человек рефлекторно зажмуривается, когда к лицу подступает пламя – в данном случае этого не произошло). Но даже если бы все эти весомые, перечисленные во всех пособиях по судебной медицине признаки отсутствовали, обнаруженные в

телах Милены и Оксаны пули от пистолета Макарова сказали бы с полной несомненностью, что женщину и девочку убили так же, как мужчину. Выстрелами в сердце.

Первые вопросы, что закономерно, у следователя Петренко возникли к гастарбайтерам. Когда он вместе с потрясенными родственниками Айвазова и Бойко произвел осмотр предметов, обнаруженных на пожарище, выяснилось исчезновение драгоценностей Милены – кольца и сережек с бриллиантами, которые она хранила в шкатулке, оправленной в металл. Также пропало охотничье ружье хозяина дома... Убийство с целью грабежа – вполне респектабельная версия. И ее следует проверить в первую очередь.

Молдаване, чувствуется, собирались возмутиться, но сдержали гордый южный темперамент. Их глава, немолодой жилистый загорелый мужчина, изъяснявшийся на правильном русском языке и представившийся как Григорий Истратович, сказал, что они все понимают: не все жители территорий бывшего СССР едут в Россию для того, чтобы честно зарабатывать себе на хлеб. Если в их честности возникли сомнения, пусть милиция их обыскивает, они согласны. Жаль только, что это не вернет погибших...

Обыск результатов не принес или, скорее, принес отрицательные. Ни ружья, ни драгоценностей, ни пистолета Макарова обнаружено у рабочих не было. Состояние одежды, бывшей на них в ту ночь, показывало, что они не контактировали ни с огнем, ни с бензином, благодаря которому коттедж так стремительно запылал и так мощно прогорел.

Против версии причастности строителей-молдаван к убийствам и пожару свидетельствовали и другие доводы. Во-первых, чтобы уложить трех человек выстрелом в сердце, надо постоянно тренироваться: возможно ли это при образе жизни гастарбайтеров, чьи руки привыкли не к огнестрельному оружию, а к малярным кистям и мастерку? А во-вторых – и в-главных – то, что Айвазов без опаски открыл дверь и посадил пса на цепь, свидетельствовало о том, что к нему пришел тот, кому он полностью доверял. Вряд ли какие-то сезонные рабочие, постучавшиеся на ночь глядя, были бы встречены так приветливо...

Одним словом, гастарбайтеров следовало оставить в покое. Предстояла разработка версии, согласно которой преступление напрямую связано с коммерческой деятельностью Айвазова. Или личной мстостью.

Москва, 11 марта 2006 года, 16.27.

Валентин Баканин

Председатель совета директоров ОАО «Зевс», совладелец фирмы «Уральский инструмент», президент компании «Уралочка» Валентин Викторович Баканин не слишком удивился, когда его вызвали в следственное управление ГУВД Московской области – как сдержанно сообщили по телефону, «для беседы». Напротив, он обрадовался. «Наконец-то зашевелилась милиция, которая меня бережет», – подумал Валентин, подходя к окну и задумчиво глядя на противоположную сторону обледелой московской улицы сквозь белые жалюзи, потирая кончик вздернутого носа, как всегда делал в минуты сильных эмоций. Жена (бывшая жена, как не уставал он напоминать себе) поедом ела его за эту привычку, говоря, что с его жесткими светлыми волосами, круглым румяным лицом, да еще с красным носом, он – выпитый Петрушка! Но сейчас Юли рядом не было (и уже не будет), и Баканин позволил себе этот смешной жест, который помогал сосредоточиться. А ему было необходимо сосредоточиться, чтобы хорошенько продумать: что он скажет в следственном управлении ГУВД? Непременно надо сформулировать все, что ему известно, по возможности кратко, но исчерпывающе. Иначе жить нельзя. Валентин Баканин в свои сорок с небольшим стал крупным бизнесменом не за счет воровства или прежних комсомольских связей, а за счет трудолюбия и настойчивости. Он привык доводить до конца любое дело, за которое взялся. Доведет и это. Если бы речь шла только о нечестных приемах вытеснения соперника с рынка, можно было бы еще как-то стерпеть упорное невнимание милиции. Но его друзья убивают!

Не так давно – как вспомнишь, кажется, вчера – Валентин ездил в родной Александрбург на похороны Рубена Айвазова. Кинг в гробу – какая бессмысленная несообразность, его дружбан, его земляк, его ровесник, Кинг... Каждый раз, когда Валька и Кинг встречались, они вместе слушали что-нибудь из арт-рока; он предпочитал вещи сложные, хитро завернутые, малодоступные неизощренному уху. А сейчас звучит навязший в ушах миллионов «Траурный марш» Шопена, а Кинг не может встать и выключить. Лицо почти не пострадало, а может быть, умельцы в морге его отреставрировали. Зато придать пристойный вид Милене и Оксане не удалось бы даже коллегии скульпторов, и их, драгоценных девочек Кинга, хоронили в закрытых гробах. Женщины, промакивая слезы углами траурных косынок, шептались о том, какой обугленный ужас прикрывают крышки этих гробов... Был бы Валька сердечником, бросил бы под язык таблетку валидола. Но он был здоровым, сильным мужчиной, и его сердце было крепким, и он, не ограничиваясь печальной обязанностью проводить усопшего в последний путь, разыскал следователя, ведущего дело об убийстве. Следователь Петренко ему понравился: молодой, дотошный, не разучился пока сочувствовать людям... Однако срок следствия по этому делу почему-то продлевался несколько раз. Когда Валентин позвонил в прокуратуру Александрбургской области из Москвы и спросил, как продвигается дело об убийстве Айвазова и Бойко, ему неохотно сообщили, что дело передано другому следователю. Значит, прежний не справился? Но почему? Валентин тогда сообщил Петренко достаточно, чтобы факт убийства Айвазова сделать частью системы...

Первым ушел Парамонов. Самостоятельно ушел – так считается. По крайней мере, официальная версия гласила: покончил с собой. Валентину всегда было трудно в это поверить. Скорее он поверил бы сообщению о том, что на заводе моторных масел имени Губкина, совладельцем которого являлся Борис Парамонов, покончил с собой крупный механизм. Парамонов и выглядел чуть-чуть механическим – с его широкими плечами, какими-то рычажными, как у робота, очертаниями фигуры и прямолинейным стилем мышления. Он был прост, неувертлив, не знал, что такое сомнения и депрессии. С ним все было легко и ясно. У него была любимая жена, такая же широкоплечая, как он, только чуть более округлая, и четверо детей. И вот такой человек выходит в одно прекрасное (ну или, по крайней мере, ничем не примечательное) утро из дома, абсолютно трезвый, как обычно, в семь ноль шесть утра (Парамонов был точен, как швейцарские часы), и ни с того ни с сего разносит себе из охотничьего ружья свою квадратную голову... Представили? Вот и Валентин Баканин этого представить не мог, а посему естественность парамоновской смерти вызвала у него с самого начала крупные сомнения.

Но через месяц после смерти Парамонова был застрелен Артур Райзен! А еще спустя два месяца – Руслан Шаров! Последним пал Рубен Айвазов. Жертвы необъявленной войны. Но кто против кого воюет? Неужели никому не нужно расследование этих случаев? Неужели милиции трудно сделать мыслительное усилие и понять то, что тщетно пытается донести до них Валентин Баканин: все убитые имели отношение к фирме «Уральский инструмент»? А еще раньше – к «бригаде реаниматоров». А еще... а совсем раньше они вместе учились в одном институте...

Первая картина из прошлого СОЮЗ ВЕСЕЛЫХ И НАХОДЧИВЫХ

Ох и снегу же навалило на этот Новый год! Все вокруг бело, все скрипит, как неношеное изделие из кожи. И наступающий, 1989 год – такое же изделие, свеженькое, неразношенное. Придется ли оно впору или будет тереть? Огорчит или осчастливит? Тревоги, ожидания, надежды...

Уральцам к снегам и холодам не привыкать. А тем более молодым уральцам. А тем более студентам Уральского политехнического института. Молодость умеет веселиться вопреки всему: погоде, пустому кошельку, надвигающейся сессии... Параллельно праздникам идут зачеты, и строгие преподаватели не делают скидки, как здесь выражаются, «на елочку», но тем не менее студенты откладывают учебники ради того, чтобы устроить недавно разрешенную забаву – КВН. Веселые и находчивые – это ведь точь-в-точь о них сказано! На команды уже разбились, вопросы приготовили, теперь репетируют сценки, смеясь больше, чем потенциальные зрители.

– Я статистику завалю из-за этого кавээна, – сетует хрупкий малорослый парнишка с каштановыми, до плеч, волосами и длинным, как у комара, носом.

В ответ следует новая порция смеха:

– Ну вот, Ипочка в своем репертуаре!

– Кончай прибедняться, Ипа! Когда это ты экзамены заваливал?

– Ипа, не нервируй!

«Ипа» – не уменьшительное от имени Ипполит: будущего химика Райзена родители назвали Артуром. «Ипа» – сокращение слова «ипохондрик». Друзья не вспомнят времени, когда бы Райзен перед сессией не хныкал и не жаловался. Набор жалоб типичный: «Вот, я недоучил, я не сдам, я не был на лекции, я потерял конспект...» Самые страшные новости о кровожадности назначенных экзаменаторов приносил тоже Райзен. Зато не было случая, когда бы он получил на экзамене оценку ниже пятерки! И, между прочим, не жлобится, всегда готов помочь объяснением или подсказкой. Правда, к сожалению, не шпаргалкой: такие зубрили, как Ипа, шпор не пишут...

Можно было бы предположить, что склонность к мрачному образу мыслей Артур Райзен получил вместе с генами из Германии туманной, откуда некогда приехали его предки, немцы. Можно бы, но никому это не приходит в голову. Национальный состав их компании довольно-таки пестрый, что неудивительно на Урале, но родились и выросли они здесь, в Александрбурге и прилегающих к нему местностях. Подвергались влиянию одного климата, ходили в одни школы по одним улицам... Хотя бы по этой причине национальность человека превращается в ничего не значащую данность. В общении важна не национальность, а личные качества! Если, к примеру, зашла речь о Рубене Айвазове, разве первое пришедшее на ум слово, характеризующее его, будет «армянин»? Нет, таким словом будет его почетное наименование – Кинг. Ярый поклонник арт-рока, в особенности группы «Кинг Кримсон», Рубка и сам неплохой музыкант. В Клубе веселых и находчивых отвечает за звуковое оформление.

– Не волнуйся, Артур, – примирительно мурлычет Марина Криворучко, перекусывая нитку на шитье. Она сидит на школьной пластмассовой парте, которыми оснащены аудитории для проверочных работ, и замшевые туфли-лодочки спадают с ее нервных, подвижных ножек, не достающих до покрытого вспученным линолеумом пола. – Никуда не денется твоя сессия, она же, кстати, и наша. Руслан вчера сказал, что статистика – не профилирующий предмет, профессор Ходин не станет зверствовать.

У Марины в этой компании промежуточный статус. Вроде бы, с одной стороны, свой человек, студентка, а с другой – постоянно соприкасается с враждебным лагерем преподавателей... И пусть мы договорились здесь с национальными корнями не считаться, но виновата, наверное, все же кровь ссыльных поляков, унаследованная по материнской линии уроженкой Нижнего Уральска. Откуда, скажите, как не от ссыльных шляхтичей, у Марины это изящество, эта графская посадка головы, эти крошечные руки и ноги, а главное, эти лесные зеленые глаза? Стоило ей на первом курсе попристальней глянуть своими зеленейшими, как чертово зелье, глазами на молодого профессора Шарова, и профессор замер. Но тут же, как в детской игре, отмер, чтобы начать великолепную осаду той, которая сразу стала для него единственной. А через полгода стала его женой... Разносят злые языки, что, дескать, напрасна была эта осада, сопровождавшаяся букетами, бутылками качественного вина (чтобы раздобыть такое вино в антиалкогольную эпоху, требовался настоящий героизм), а также чтением стихов и едва не серенадами под балконом институтского общежития. Достаточно было бы прямо, с ходу, сделать Марине предложение, и она бы не отказалась. В общежитии-то, в комнате с тремя соседками, канифолиться радости мало, а Руслан, если и не унаследовал от родителей, тоже профессоров, красоту, зато унаследовал огромную профессорскую «хату» в самом центре города, и в наши дни для семейного счастья этот пункт важнее. А внешность – это так, на любительницу одноразовых приключений.

Впрочем, разве Руслан Шаров – урод? Нет, этого не скажешь. Самые придирчивые арбитры мужской красоты сойдутся на том, что внешность у него своеобразная. Если уж мы пустились в разговоры о генах (которые, конечно, значат меньше, чем среда и воспитание), в профессоре Шарове невооруженным глазом видна изрядная доля восточной крови... «Резиновый Будда» – так обозвал его за глаза несколько лет спустя Маринин друг, выведя на поверхность то, что она сама долго пыталась и не могла сформулировать. Действительно: овальное плосковатое лицо, непроницаемые узкие глаза, полные губы, всегда готовые сложиться в уклончивую, обаятельную и загадочную полуулыбку. Голый череп блестит, будто его амальгамой намазали: рано обнаружив зарождение лысины, Шаров бреет голову с двадцати семи лет. Прибавьте к описанным чертам наследственную шаровскую склонность к полноте, которая равномерно раздувает тело молодого профессора, делая его гладко-обтекаемым, и получите... Резинового Будду? Или попросту резинового пупса?

Тот, кто в недалеком будущем придумает оба прозвища, сейчас недалеко от Марины скромно занят рисованием плаката, оповещающего о дате КВН. Остроумца зовут Леня Ефимов, и острый ум его проявляется не только в шутках, но и в профессиональной сфере. Лидер студенческого научного общества, победитель олимпиад. Однажды ему доверили вести занятие у первокурсников, и Леонид Маркович, как почтительно обращались к нему эти неоперившиеся юнцы, показал себя неплохим преподавателем. Но сейчас весь Ленин интеллект куда-то испарился, и он не в состоянии сложить буквы в простую надпись... Леонид знает, что тому причиной: Маринина миниатюрная подвижная ступня, обтянутая не по-зимнему прозрачным чулком, подбрасывающая туфельку. От этой туфельки его колотит лихорадка.

Лихорадка усиливается, когда Марина, обувшись наконец как следует, помогает Артуру облачиться в только что законченный ею костюм под кодовым названием «диполь»: овальный каркас, с одной стороны натянута материя желтая – с другой синяя, с одного конца наклеен бумажный «плюс» – с другой «минус»... Как она ласково, с безотчетной женственностью, натягивает на нелепого Ипу это нелепое сооружение! Как свободно соприкасаются их тела! Леонид чувствует, что у него в самом деле подскочила температура. Если сейчас вдобавок вообразить на месте Райзена законного Маринина супруга Шарова, Леню постигнет разрыв сердца, и медицина его не спасет...

– Привет артистам! Голодные? Садитесь жрать, дети уральских гор!

Восторженные вопли. Валька Баканин вваливается в аудиторию, как Дед Мороз: огромный и праздничный. Где Валька, там всегда праздник: такой же записной шутник, как и Ефимов. Но если шутки Леонида многих задевают, то Баканин острит беззлобно. С ним всегда тепло... Правда, в данный момент от него пышет и жаром, и холодом. Холод он принес на плечах своей оттаивающей от снега куртки, жаром пышет объемистый сверток у него в руках.

– Здравствуй, дедушка Мороз с бородой из ваты! Ты подарки нам принес...

– Все, парни, дальше не надо, – машет рукой Валя. – Знаю я, чем этот детский стишок кончается. Вот и ходи после этого для вас за съестным!

– Дедушка Валя, а с чем подарочки?

– Специально для вас, внучата, есть и с рисом, есть и с курагой.

– Ну-у! А с мясом что, не было?

– Мяса в стране не хватает, вы что, газет не читаете? Вчера отправили на заслуженный отдых последнюю буренку в передовом колхозе «Рассветы Ильича»...

– Хорош привередничать, – подает голос Парамонов. – Ешьте, пока горячие!

Как-то так исторически сложилось, что Бориса Парамонова никто не зовет по имени – исключительно по фамилии. Наверное, потому, что уж очень он звучанию своей фамилии соответствует: основательный, похожий на отменно работающий агрегат. Одним словом, «пароход и человек», как назвал его все тот же Леонид Ефимов. Если Ефимов постоянно стремится к лидерству и обижается, оказываясь на вторых ролях, то Парамонов совершенно не честолюбив. Для вторых ролей он, можно сказать, создан. Вечно на подхвате. Новых идей не рождает, зато любую идею готов развить и довести до совершенства. Преподаватели в кулуарах сулят Парамонову большое будущее: голова, конечно, у него не золотая, зато задница железная. А часто случается, что терпеливой железной задницей люди высиживают себе и должности, и деньги...

Пирожки расхватили мигом, невзирая на начинку. Едят, обжигаясь. На улице холод минус двадцать пять градусов, в желудке горячий пирожок – здорово!

– С Новым годом! – шутливо чокается своим пирожком о Маринин, будто бокалами соприкасаясь, Леня Ефимов. Разваренный рис лезет из надкусанного отверстия.

– С новым счастьем! – поддерживает шутку Марина, и глаза ее становятся такими невыразимо зелеными, что в их глубине тянет заблудиться, как в лесу, полном чудес.

Скоро они перестанут быть студентами. И, разумеется, в самостоятельной жизни их ждет много-много нового счастья...

Москва, 11 марта 2006 года, 19.00.

Валентин Баканин – Эдмонд Дубина

Работа главы концерна «Зевс» иногда затягивалась далеко за полночь, однако в Главное следственное управление ГУВД Баканин явился строго в назначенное время, отбросив все дела. Ему предписано было прибыть «для беседы» к майору юстиции Эдмонду Дубине. Когда Баканину выдавали заранее заказанный пропуск на вахте, он мысленно посочувствовал неведомому майору: если человеку было суждено носить фамилию Дубина, зачем родители усугубили ситуацию именем Эдмонд? Но стоило Баканину очутиться в кабинете, сочувствие растворилось, как ложка сахара в стакане горячего чая, при виде майорской внешности. Фигуру Дубины обозреть не удавалось, потому что больше половины ее скрывал высокий стол, но, судя по узким, наклоненным вперед плечам и длинному худому лицу, он обязан быть тощ и сутул, как полуобгорелая спичка. Лицо майора напоминало выцветшую, вываренную в компоте курагу – своей морщинистостью и своеобразным цветом, заставлявшим заподозрить какую-то нудную хроническую болезнь. Выражение лица тоже вроде бы свидетельствовало о болезни или о затяжном страдании иного рода: тонкие губы, далеко отстоящие от носа, поджаты, глаза, окруженные склеротическими веками, – недовольные, колючие, пронзающие посетителя до

костей. Валентин отметил, что майор Дубина напоминает ему какого-то артиста – только вот не успел вспомнить, кого именно...

Не успел, потому что исследование майорской внешности было прервано обрушившейся на Баканина темнотой. Нет, это не значит, что в кабинете погас свет. Темнота оказалась плотной и душной. От нее воняло сырой землей и гнилой картошкой. В конце концов ведь это и был мешок из-под картошки, который неожиданно надел Баканину на голову кто-то, стоявший позади него. Кто-то, кого он, войдя, не заметил.

От неожиданности Валентин рассмеялся. Все происходящее казалось так дико и несообразно, что воспринимать иначе, как чудовищную шутку, он это не мог. Ему никогда не надевали на голову мешков из-под картошки, и он в самом невероятном сне не мог увидеть, что такое случится, и когда это все-таки происходит, и даже не во сне, а наяву, и даже не в компании расхोлившихся подвыпивших друзей, а в Главном следственном управлении, – как он еще мог реагировать, кроме смеха? Ведь поступить иначе означало бы признать, что такое способно твориться всерьез, твориться с ним. А этого признавать ни в каком случае не стоило, иначе... Иначе черт знает что еще придется допустить!

Вольный смех свободного человека кому-то очень не понравился. Кто-то невнятно матюгнулся, и Баканина повалили на пол ударом в спину. Он даже не вскрикнул, все еще опасаясь признать, что это делают именно с ним, но тело, его крупное сильное тело, выгнулось в попытке подняться. Судя по звуку, открылась дверь кабинета, и сразу несколько рук надавило Валентину на ноги и на плечи. И вовремя – теперь уже Валентин извивался, бился вовсю. Но одолеть сопротивление был не в силах... Кто-то еще, заведя руки Баканина за спину, больно ошцелкнул его запястья наручниками, ободрав кожу. Кто-то поспешно начал охлопывать его карманы... «Обыскивают», – понял Валентин и снова успокоился. Не могут они не найти в кармане его депутатское удостоверение! Баканин был депутатом Серпуховского городского совета, поскольку его фирма находилась на территории этого района Подмосковья. Обычно депутатский статус означал для него увеличение повседневных нагрузок, но сейчас должен был означать прекращение этой затянувшейся и совсем не смешной игры.

Вот чужие бесцеремонные пальцы нащупали удостоверение, достали его, но... Баканин даже не понял, раскрыли «корочки» или нет. Кажется, те, кто его схватили, не интересовались, депутат он или не депутат. Они же все о нем знают, если пригласили на беседу... На беседу? Значит, так это у нас теперь называется? Внезапно Валентин вспомнил, кого напомнил ему Эдмонд Дубина. Фамилию этого актера забыл, какая-то прибалтийская, но в фильмах про войну ему часто доставались роли фашистов. А если фильм был из средневековой истории, тогда инквизиторов...

И Валентин не выдержал. Страшная, несправедливая реальность, отрицать которую далее было бы невозможно, захлестнула его, заполнила ему грудь. Он тонул в ней! И, как утопающий, который, выныривая на поверхность, со всасывающим хрипом хватается воздух, Баканин хрипло закричал, давясь гнусным мешком. Он кричал о своих правах, о том, что он депутат Серпуховского горсовета, о том, что он не совершил ничего противозаконного, о том, чтобы немедленно был вызван его адвокат...

И тогда его начали бить. Посыпались по-крысиному злые пинки и толчки. По самым болезненным, беззащитным у человека местам: пояснице, животу, локтям, под колени, по верху груди близ ключиц – мама Вальки Баканина всегда называла это место «душка»... Прикрываться отведенными назад руками Валентин не мог, только скрючивался и сводил бедра, защищая самое сокровенное у мужчины. Но, очевидно, наносить серьезные травмы не входило в планы напавших, и Валентина продолжали изводить болью без крупных повреждений.

Кричал ли он во время побоев? Валентин не может вспомнить, как не может сказать и то, сколько это длилось. Чувство тонущего в нем по-прежнему преобладало, только теперь вода, в которой тонул Валентин, была крутым кипятком. Кажется, он навзрыд хватал ртом воздух

через мешковину, разящую картошкой и смертью; кажется, слезы текли у него по лицу – или это был пот? Больше всего он боялся задохнуться, захлебнуться собственными слезами и потом в этом насильственном мешке. Возможно, еще чуть-чуть, и это действительно случилось бы.

Стало легче. Непонятно почему, но стало легче. Вот он уже не валяется на полу, а сидит. Следы прежних побоев горят на его теле, однако новых не прибавляется. Мешок остается на голове, но Валентин как-то приноровился дышать сквозь его дерюжно-земляную вонь. Кажется, он даже сможет вздохнуть...

– Я требую адвоката, – как можно громче и как можно тверже вымолвил Валентин, переводя дыхание.

– Уведите, – услышал он равнодушный голос Эдмонда Дубины.

По Главному следственному управлению Баканина все-таки вели не в мешке, хотя так и не сняли наручников. Мельком он поймал в стеклянной двери, зачерненной придвинувшимся извне вечером, свое отражение: распатланные волосы пучками соломы торчат в разные стороны, на каждой щеке – по красному пятну, курносый нос тоже красный, как земляничина... «Петрушка, – подумал он. Попытался улыбнуться резиновыми чужими губами и ощутил соленый вкус. – Юля точно сказала бы: Петрушка».

Москва, 13 марта 2006 года, 00.32.

Роберт Васильев

– Как давно он пропал? – почесав подбородок с выпуклыми точками пробивающейся щетины, уточнил адвокат Роберт Васильев.

Не подумайте, читатель, что Роберт Васильев предпочитал трехдневную небритость в стиле крутого мачо или пренебрежительно относился к своему внешнему виду. Тридцатидвухлетний адвокат, худошавый и русоволосый, с правильным, хотя и скучноватым, европейским лицом, Роберт никогда не старался выпендриться и предпочитал моде опрятность. Бритье входило в разряд его неизменных гигиенических процедур. Однако сейчас он был небрит в силу чрезвычайных обстоятельств: его буквально выдернули из постели в связи с исчезновением его постоянного клиента, главы концерна «Зевс» Валентина Баканина.

– Теперь уже позавчера, в шесть часов вечера, – взглянув на наручные часики, дисциплинированно ответила Инга Витальевна, секретарша Баканина.

Сухопарая, с гладкими черными волосами, свернутыми на затылке в пронизанный шпильками шиш, и в очках, смахивающих на чеховское пенсне, Инга Витальевна выглядела типичной классной дамой. Валентин Викторович как-то доверительно признался Роберту, что секретаршу свою побаивается за строгость, но ценит за исполнительность и аккуратность. «И за преданность», – следовало добавить сейчас. Обнаружив утром, что начальник не вышел на работу, секретарша за день провела массивный сбор сведений, обзвонив все возможные места его пребывания и всех людей, кто мог о нем что-то знать. Потом методично обзванивала морги, больницы и отделения милиции. В последнюю очередь, когда все остальные возможности были исчерпаны, она позвонила адвокату, который уже видел вторые сны. Вырванный из сновидения Роберт, находясь в состоянии полной дезориентации, дал разрешение приехать к нему сейчас же. Что и исполнила Инга Витальевна, нагрянув на квартиру адвоката Васильева в сопровождении одного из баканинских заместителей, Марка Фурмана.

– Н-да... Но вы же понимаете, что до утра я вряд ли смогу что-либо сделать...

– А если с ним произошло несчастье? – подскочил со стула Марк Фурман. – А если он лежит где-нибудь, истекает кровью, а мы тут будем себе спокойно до утра ждать, да?

Темпераментный толстячок Фурман не в состоянии был усидеть на месте, жестикулировал и всячески выражал готовность к действиям, от которых его периодически удерживали то Инга Витальевна, то Роберт.

– Да погодите вы, Марк! – протянул руку в его сторону адвокат Васильев. – Где мы будем его искать? Не колесить нам, как ненормальным, по всей Москве? Если бы он был ранен или... ну, вы понимаете, самое худшее, об этом знали бы медики или милиционеры. Милиционеры... Н-да...

Сонная действительность обступала Роберта со всех сторон, манила уронить голову на грудь, закрыть глаза и отрешиться от всех забот. Противодействуя сонливости, он встряхнулся, как мокрая собака.

– Милиционеры... Да, а кстати, Инга Витальевна, что вы там говорили насчет милиции? Валентина Викторовича вызывали в следственное управление ГУВД?

– Приглашали, – важно поправила секретарша. – Он же не преступник! Роберт, вы что думаете, я им не звонила? Первым делом позвонила, и мне ответили, что Баканин на беседу не явился. Его там вообще не видели.

– Выходит, он пропал где-то на пути между главным офисом «Зевса» и управлением ГУВД, – подытожил Роберт. – А по какому поводу его туда приглашали? И кто?

– По какому поводу? Сказали, будто бы для беседы, а о чем собирались беседовать, этого он и сам не знал. А что касается человека, к которому ему требовалось явиться... Валентин Викторович называл мне фамилию, но я, к сожалению, не записала.

– Может быть, вспомните?

– Сейчас, погодите. – Инга Витальевна сняла очки и протерла их кусочком замши. В ее незащищенных без стеклышек глазах отразилось недовольство собой, будто то, что фамилия вылетела у нее из головы, относилось к грубому нарушению служебных обязанностей. – Фамилия какая-то необычная. Смешная. Что-то, связанное с деревом...

– Фамилия – Дерево? – переспросил Васильев.

– Нет, не так прямолинейно. Но близко...

– Дуб? Береза? Сосна? Кипарис? – вмешался Фурман, готовый и дальше сыпать ассоциациями.

– Нет-нет, все мимо. Что-то вроде Деревяшки, но только не Деревяшка.

– Лошадиная фамилия, – изрек Роберт. Очки Инги Витальевны, снова оседлавшие ее породистый нос, упорно напоминали ему о Чехове. – Ладно! Знаете, что мы с вами решим? Инга Витальевна пусть вспоминает фамилию, а я завтра... точнее, сегодня с самого утра схожу в ГСУ и проведу разведку на местности. Вдруг там кто-то все-таки встречался с Валентином Викторовичем – или имеет представление, что могло с ним случиться. А теперь... имею я, по вашему, право поспать хотя бы пару часов?

Роберт себя недооценил. Он проспал не пару, а все шесть часов, глухо проигнорировав будильник, который понапрасну заливался петушиными воплями. Проснувшись с пустой, звонкой и совершенно бодрой головой, Роберт первым делом взглянул на часы, крикнул: «Мамочки!» – и бросился одеваться со скоростью пожарного, которого вызвали тушить королевский дворец. Назначенные с раннего утра встречи полетели ко всем чертям, что неминуемо скажется отрицательным образом на деловой репутации адвоката Васильева. Однако, чтобы не запятнать свою репутацию еще сильнее, следовало, по крайней мере, навестить ГСУ.

В Главном следственном управлении Роберта ждал сюрприз... Точнее выражаясь, в вестибюле Главного следственного управления Роберта ждал сюрприз. Потому что в само Главное следственное управление Роберта не пустили.

– Никакого Баканина здесь не было, – глядя на Васильева из-за стеклянной перегородки честными – пречестными, до голубизны, глазами, внушал ему дежурный. – Я как раз дежурил позавчера вечером, отлично помню: не было такого пропуса.

– Но я хочу узнать, кто и зачем приглашал моего клиента.

– Нечего вам узнавать. Отвлекаете только пустяками всякими. Тут трудятся занятые люди. Не было вашего клиента, значит, не было, чего вам еще? Идите отсюда: на вас пропуска никто не заказывал. Ну, чего топчетесь? Идите-идите, все равно не впуссу.

Делать было нечего. Приходилось уходить несолоно хлебавши.

Отворив тяжелую, изукрашенную звездным орнаментом, будто из сталинских времен, дверь и отойдя от здания ГСУ примерно на три метра, Васильев, повинаясь наитию, обернулся и поднял глаза. Из окна второго этажа на него смотрели двое. В первом он распознал только что виденного дежурного; второй был очень худ и сутул, с длинным лицом. Заметив, что они обнаружены, оба отступили в глубину комнаты.

Если до этого эпизода Роберт и подумывал о том, чтобы методично прочесать все милицейские сводки, касающиеся маршрута следования Баканина в Главное следственное управление, то теперь надобность в этом отпала. Адвокат Васильев не сомневался, что его клиент, глава концерна «Зевс», не вышел из стен ГСУ. И если он не находится там до сих пор, значит, его оттуда вывезли под конвоем...

А это, в свою очередь, значит, что Баканину пришлось столкнуться с силой, противостоять которой молодому адвокату Васильеву не хватит возможностей. Придется обратиться к старшим коллегам. В частности, к знаменитому адвокату Юрию Петровичу Гордееву.

Москва – Александрбург.

Ночь с 11 на 12 марта 2006 года. Валентин Баканин

Поздней ночью из Москвы этапировали человека.

Этапировали с широким размахом. Усиленный конвой. Две бронированные автомашины. Арендованный самолет.

Кто же этот монстр, заслуживший столь пристальное внимание со стороны милиции? Страшный маньяк-убийца, способный голыми руками уложить десяток противников, а после съесть их глаза и вырезать для своей мрачной коллекции языки? Фанатичный террорист, который постоянно выжидает момент, чтобы покончить самоубийством, унеся с собой на тот свет как можно больше жизней мирных граждан? Шпион враждебного государства, обученный всем секретным приемам спецслужб? На худой конец, матерый расхититель государственной собственности?

Валентин не знал, к какой из вышеперечисленных категорий он относится: ведь по завершении игры под названием «мешок на голове» ему так и не сказали, в чем его обвиняют. Но, судя по количеству окружавших его вооруженных людей с бдительными лицами, Ганнибал Лектер по сравнению с Валькой Баканиным – не более чем сосунок... Гордись, Валька, ты получил свои пять минут славы! Была, должно быть, глубокая ночь, возможно, близко к утру, и сознание избитого, дезориентированного, ни минуты не спавшего Баканина плавало и расплывалось, как свет фонарей в его затуманенных глазах. Глаза эти способны, однако, были различить за линией конвоя пассажиров, присутствовавших в аэропорту в этот глухой час. На лицах тех, кто перемещался без конвоя, читались страх и опасение: как бы не вырвался на свободу этот зверь, которого везут куда-то с эдакой помпой! Правда это было, или только состояние Баканина стало тому виной, но он не заметил на этих лицах ни единого проблеска жалости... «Я невиновен! – хотелось крикнуть Валентину. – Я не знаю, что происходит! Я не знаю, что со мной собираются сделать! Спасите! Позвоните моему адвокату!» Но крик, непрерывно звучащий внутри, так и не вырвался вовне. Кто ему поверит? Даже если бы кто-то и поверил, преступнику не дали бы довести свое воззвание до конца. Заткнули бы рот или – автоматная очередь... Кто знает, вдруг именно этого они и добиваются? Убийство при сопротивлении... Тело обмякло, точно лишилось костей. Нет, не костей лишился Валентин – он лишился достоинства честного человека. Когда столько глаз устремлено на тебя, и во всех ты отражаешься страшным преступником, очень трудно не поверить самому, что ты – преступник...

«А ну, встряхнись! – прикрикнул на себя Валентин. – Мямля! Ты-то сам знаешь, что ничего плохого не совершал? Ну вот, а это главное. И прекрати психовать! Прекрати, я сказал! Эх, не было бы наручников, закатил бы себе пощечину. Нечего киснуть! Бывают же следственные ошибки? Бывают. И не всегда в нашей стране торжествует правосудие. Но тем более нельзя поддаваться панике. Надо бороться. Будем, Валька, бороться...»

Обращенная к себе зажигательная речь имела определенный успех: по крайней мере, заставила встряхнуться. Кости снова очутились на месте, где им и положено. Мышцы ног сокращались исправно. По трапу самолета Валентин поднялся без понуканий и подталкиваний; правда, дважды чуть не потерял равновесие, потому что подниматься по ступенькам в наручниках ему еще не приходилось.

Кажется, придется овладевать и этим навыком... Наручники, кстати говоря, были маловаты – слишком тесны для фамильных баканинских ручищ, широких, словно у крестьянина. Может, это было сделано специально, чтобы увеличить его мучения, может, просто не нашли подходящих наручников, но факт остается фактом: руки онемели, как зуб под заморозкой. Даже мурашки, которые так раздражали его в первые часы задержания, перестали бегать в пальцах. Не видя, он затруднялся сказать, есть ли у него еще пальцы и если есть, в каком они состоянии...

– Снимите наручники, – попросил конвоиров Баканин, едва очутился в салоне самолета, который показался ему необыкновенно тесным и грязноватым, похожим отчего-то на выведенный изнутри огурец. Может, из-за того, что обивка кресел здесь была зеленая? И зеленые шторы на иллюминаторах... – Снимите, пожалуйста, я не буду сопротивляться.

Один из конвоя пробубнил что-то в духе, что инструкций насчет снятия наручников не получал.

– А чтобы довести меня до ампутации рук, такие инструкции вы получали? – настаивал Баканин.

Все-таки они были не звери. Обычные серенькие мужики, служаки, которые, возможно, даже не знали, кого им выпало везти. Тот, который говорил об инструкциях, связался по рации с кем-то отсутствующим и, выслушав, скомандовал своим людям:

– Наручники снять!

Судя по тому, как они возились, толкали и трясли его, отечность передавленных кистей не сразу позволила исполнить приказ. Зато потом Баканин почувствовал – правда, физически почувствовал – движение крови в сосудах. И на пределе силы воли удержался, чтобы не взвыть, потому что движение крови возвращалось с дикой болью, и зуб под заморозкой превратился в зуб с глубоким дуплом, в котором орудует шершавое заржавленное сверло бормашины...

Отвлеченный страданиями, которые причиняли ему – теперь уже снятые – наручники, Валентин как-то упустил момент, когда самолет, вдоволь напрыгавшись по взлетной полосе, оторвал шасси от земли и взмыл в небо. Мелкие неприятности, связанные с перепадом давления, вроде закладывания ушей, на этот раз миновали его. А ведь всегда считал, что у него слабый вестибулярный аппарат... Баканин просто сидел в кресле, осторожно поглаживал одну о другую свои непослушные синеватые, в багровых пятнышках, кисти и размышлял о том, что лучшее средство от шалостей вестибулярного аппарата – чрезвычайная ситуация. Ему доводилось читать, что заключенные в концлагерях временно избавлялись от прежних болезней – инстинкт выживания, активизировавшийся в сложных условиях, побеждал хворь. Зато после освобождения все старые болячки возобновлялись с новой силой, иногда приводя к смерти... Ну а ему нечего думать о смерти. Раньше смерти он еще поборется...

– Куда меня везут? – спросил Баканин конвоира.

Тот предпочел изобразить глухонемого. Очевидно, контакты между конвоирами и конвоируемым не поощрялись. А может, о Баканине успели наговорить черт знает чего...

– В Александрбург? – Валентин проявил настойчивость. Аэропорт Домодедово, из которого ему неоднократно случалось летать в родной город, свидетельствовал сам за себя.

Конвоир расщедрился на кивок.

«Что же, – сказал себе Баканин, – теперь я знаю. Теперь я догадываюсь: кому-то потребовалось свалить на меня убийства... Стоп, Валька, без паники. Только не надо сейчас думать о том, что тебе предстоит в Александрбурге. Надо думать о ближайших целях. Например, сходить в туалет. Правда, попозже, когда пальцы отойдут. Иначе я не справлюсь с брючной пуговицей...»

Александрбург, 11 марта 2006 года, 23.40.

Леонид Ефимов – Ксения Макарова

– Послушай, тебе ведь хорошо со мной? – бдительно спросила Ксения, и в голосе ее прозвенела неприятная дрожащая нотка.

Она как раз наливала в крошечную чашечку смугловато-бежевого фарфора свежесваренный кофе. Рука дрогнула, как и голос, и по столу, отделанному под малахит, растеклась мутная, содержащая частицы кофейной гущи, лужица.

– Ну конечно, хорошо, – на автомате, не рассуждая, ответил Леонид, пока Ксения подтирала со стола. – Ты потрясающая женщина. Лучшая в моей жизни.

На такие случаи для всех женщин у Ефимова был заготовлен стандартный набор фраз, и он заботился лишь о том, чтобы не слишком часто повторять одну и ту же фразу одной и той же любовнице. Отговорки любовницам – не повод для беспокойства. Беспокойство вызывало лишь одно обстоятельство: почему Ксения вообще задала такой вопрос, да еще таким нервным тоном? С какой стати? Разве они друг другу что-то обещали? Кажется, все, что касается их отношений, они давно выяснили...

Молодость Леонида Ефимова, к его несчастью, пришлась на годы, когда не вошел еще в моду тип внешности, воплощенный английско-полинезийским красавчиком Киану Ривзом. Иначе, возможно, не пришлось бы ему на первом и втором курсах института страдать юношеской робостью, сексуальным воздержанием и ночными поллюциями – всеми этими издержками строгого материнского воспитания, которые он пытался скрыть под маской циничного остроумия. Зато незадолго до окончания третьего курса его узкое лицо, тонкий нос и широкие сросшиеся брови, которые делали неожиданно ясными продолговатые, с намеком на восточный колорит, глаза, обратили на себя внимание... нет, не сокурсницы: постоянное пребывание рядом с сексуальным объектом сулило массу сложностей и хлопот. Здоровый секс, не отягощенный дружбой, ухаживаниями и прочей ерундой, – вот то, в чем он нуждался. Как оказалось, в том же самом нуждалась и Ксения. Так что, можно считать, они нашли друг друга. Правда, не в том смысле, как это обычно понимают, ну то есть вся эта тягомотина насчет жить долго и счастливо и умереть в один день была не для них.

Они встретились в горячие июльские деньки... «Горячие» во всех смыслах: на улице – плюс тридцать, в институте – сессия. Леонид возвращался из института после консультации; подсказывал на сиденье у окна в автобусе, который шел полупустым в это время дня. Надо было бы полистать учебник, но отличник Ефимов крепко надеялся на свою память и хорошую репутацию, так что счел излишним забивать дополнительной информацией свои и без того плавающие мозги. В те времена в СССР персональный компьютер казался несбыточным сном технического прогресса, и компьютерный слэнг не вошел еще во всеобщее употребление, но, выражаясь современным языком, Ленин разум готов был зависнуть. Знойное марево бездумной пелены плавало перед его глазами, и разрыв этого марева приходился на единственное пятно: спину впереди него сидящей женщины. По крайней мере, Леня в мыслях сформулировал именно так: женщины, а не девушки. Слишком широка, мясиста, основательна была тыльная сторона неведомого существа иного пола, оголенная до середины сарафаном. А у Марины

(Шаровой? Нет, Криворучко, она сохранила девичью фамилию) спина худенькая, напряженная, как у гимнастки, с отчетливой полоской рыбьих острых позвонков... Со своим безупречным вкусом, со своим воспаленным честолюбием Ефимов обязан был вожацелеть Марину, но, если не брать в расчет мечты и планы, которые он постоянно строил и сам же разрушал, Леонид не прочь был познакомиться и с впереди сидящей пассажиркой, если бы она обернулась. Чем дальше они ехали, тем сильнее манил его ландшафт этой спины: просторной, с жировыми складками, с отдельными нежными, не гнойными, розовыми прыщами, с красной дольчатой родинкой над правой лопаткой. Эта спина была натуральна и бесстыдна. Ее обладательница не затушевывала своих недостатков. Эта женщина как бы говорила: «Вот, я такая, принимайте меня такой, какая есть...»

Женщина обернулась. И сразу оказалась ровесницей Ефимова. Лишь полнота заставила ее на какой-то момент показаться старше. Красавицей не назвать, но такие лица притягивают мужчин. Словно белая негритянка: выющиеся волосы, широкий нос, пухлые, почти образующие круг губы, далеко расставленные глаза, обильно подведенные синим карандашом. Косметика в такую жару потекла, и чистюле Ефимову это дико не понравилось, но уже в следующую секунду он понял, что так лучше, что так, кажется, проще. Как будто увиденные Леонидом недостатки – потекшая косметика, прыщи на спине – давали ему власть над этой женщиной. И, пользуясь этой властью, он спросил с несвойственными ему прежде интонациями, наглыми и заигрывающими:

– Девушка, а как вас зовут?

Но Ксения – так ее, выяснилось, звали – не привыкла давать над собой власть кому-либо, а тем более юнцам, которые напрашиваются на автобусные знакомства. Последовал ураганный обмен репликами: Ксения блеснула остроумием, но и Леонид, как было хорошо известно его соученикам, за словом в карман не лез. Ксения тоже, кстати, оказалась студенткой, только специальность у нее была другой, и училась она на последнем курсе... Значит, она все-таки старше, чем он. Занести это в актив достоинств или недостатков? Слово за слово, и Ефимов проехал свою остановку. Ничего не оставалось, кроме как ехать дальше – к ней, Ксении...

В тот раз ничего не было – так, завязка флирта. Но все, что намечалось, случилось уже через несколько встреч – скорее, чем предполагал Ефимов. «Это полезно для здоровья», – невозмутимо объяснила Ксения, всем своим видом показывая, что не о чем тут долго рассусоливать. Также невозмутимо она призналась, что до Ленчика, как она его сразу окрестила, сменила двух постоянных партнеров. Первый был замечательный, но они не сошлись характерами, а второго, который набивался ей в женихи, она сама прогнала. Насчет Ленчика Ксения никаких планов не строила. Так же, как и он насчет нее. Они же современные свободные люди...

«Мы современные свободные люди», – не уставала повторять Ксения все эти годы – годы их связи, прерываемой долгими месяцами и даже годами, когда они забывали друг о друге. Он знал все о ее мужчинах, она – о его женщинах. О ревности они никогда даже не заговаривали. И кроме того, ведь Ксения знала, что рано или поздно, выбравшись из очередной постели, он к ней придет. Сначала – в старенькую двухкомнатную квартиру, принадлежавшую ее родителям, теперь – в эту, новую, отделанную в соответствии с ее вкусами, со шкафом-купе, содержащим платья и костюмы, способные придавать относительную стройность ее еще сильнее раздавленной с возрастом фигуре.

Да, возраст, возраст... Ксения долго пыталась казаться не такой, как все, но, видимо, она такая же, как все. Как все бабы. Хочет выглядеть благополучно в глазах окружающих. Для повышения статуса ей нужен муж. Почему бы не Леонид? И она одна, и он один...

– Мне с тобой всегда хорошо, – настойчиво повторил Ефимов. – А с чего это вдруг ты задаешь мне такие вопросы?

– У нас всегда это все было... потому, что нам это нужно. Нам двоим. Именно это. Без посторонних целей. – Ксения все-таки умная баба, умеет выражать свои мысли. – А в последнее время у меня такое чувство, что ты меня используешь.

– Я? Тебя? Деар, – Леонид, по своему обыкновению, которое у него завелось еще в кавэ-эновские времена, иронически перекинул иностранное слово, – ты что-то путаешь. Это я твой клиент, а не наоборот. Это я плачу деньги вашей... вашему творческому объединению. Так кто кого использует, деар?

– Деньги? Деньги я могла бы получить с кого угодно. Думаешь, мало у нас заказчиков? Дело не в этом...

– Тогда в чем же? – Леонид начинал злиться: тоже мне, сложная непонятая натура! Что за манера у баб: говорить полунамеками, а потом злиться на тебя за то, что ты, такой нечуткий, не уловил и не разгадал, что от тебя требовалось! – В Марине?

Кажется, он случайно попал в яблочко – судя по тому, как застенчиво и негодующе Ксения отвела глаза.

– Полная глупость! – осклабился Леонид. – Я же не тычу тебе в нос твоим Нефедовым. Ты собираешься сказать, что это разные вещи, но поверь, вещь всегда одна и та же. Ксюха, мы же с тобой старые циники, для нас любовь – это всего лишь неудачная разновидность секса. И, главное, ты ревнуешь на пустом месте! К Марине я давно даже пальцем не прикасался. Она же вдова...

Ксения буркнула что-то вроде того, что она знает, каким пальцем прикасался к Марине Леонид. Леонид снова ощутил раздражение.

– Ну вот, ну что с тобой поделать! Юрист, а такая глупая!

Это было чистой правдой. Ксения Дмитриевна Макарова в свое время закончила юрфак. А сейчас она была старшим советником юстиции, начальником Следственного управления Александрбургской областной прокуратуры.

Александрбург, 13 марта 2006 года, 15.40.

Валентин Баканин – Сергей Алехин

Наконец-то Баканин увидел своего следователя... Точнее сказать, это Баканина предъявили следователю по особо важным делам Александрбургской областной прокуратуры Сергею Владимировичу Алехину. Если майор Эдмонд Дубина с первого взгляда внушал стойкую неприязнь, то лицо Алехина, если бы Валентин встретил его при других обстоятельствах, могло бы показаться ему симпатичным, даже красивым. Такими в старых фильмах пятидесятих годов любили изображать летчиков и капитанов дальнего плавания: чеканный профиль, густые прямые брови, выступающий длинноватый подбородок, черные волосы, гладко зачесанные назад. Но сейчас, переживая смятение невинно обвиненного, Баканин находил в этой мужественной маске изъяны, свидетельствующие о том, что носитель ее вовсе не такой герой, каким хочет выглядеть. Чересчур капризная и безвольная линия губ, чересчур часто помаргивающие глаза. И главное, руки! С чего это следователь по особо важным делам так егозит пальцами? То побарабанит ими по столу, то покрутит ручку, то ни с того ни с сего начнет перебирать края лежащей перед ним на столе изрядной стопки бумаг. Эти бумаги занимали Валентина Баканина несравненно больше, чем физический (и моральный) облик следователя Алехина. Неужели это о нем, о Вальке Баканине, успели уже столько понаписать? Что же они там настрочили? Описали, как ловко заманили его в свое милицееское логово? Как накинули мешок на голову, как били? Представив себя в мешке, корчащимся на полу под тычками и пинками, Баканин полыхнул стыдом, но тут же остановил себя. Нет, он сильный человек. Он не даст себя подавить переживаниям. Он добьется, чтобы стыдно стало тем, кто с ним так поступил.

– Гражданин Баканин, – служебным ровным голосом, но все с тем же беспокойством пальцев произнес следователь Алехин, – вы обвиняетесь в том, что убили Рубена Айвазова руками нанятого вами исполнителя. Запирательство бесполезно, ваш исполнитель сознался.

«Вот оно!» Как ни готовился Валентин к чему-то подобному, сердце екнуло, толкнулось изнутри в грудь. Стараясь сохранять хрупкое спокойствие, он спросил с такой отрешенностью, будто речь шла не о нем:

– Зачем, по-вашему, мне было убивать Кин... Рубена Айвазова?

– Вы сами все отлично знаете, гражданин Баканин. – Устав попусту вертеть пальцами, Алехин снова принялся за шариковую ручку. – Кому еще знать, как не вам. Крупный бизнес. Экономические соображения. Рубен Айвазов был директором пансионата «Уралочка», это вы признаете?

– Тут нечего признавать или не признавать. Да, был директором пансионата...

– И вы признаете, что являетесь руководителем корпорации «Зевс»?

– Ну, в этом-то я, пожалуй, смело сознаюсь. – Валентин собирался улыбнуться, но душевных сил не хватило, и реплика, вместо того чтобы выйти шутилой, получилась мрачной. Это не упустил подметить Алехин – и со значением кивнул, задрав свой капитанский подбородок.

– Отлично. Большой прогресс. Так мы с вами скоро дойдем и до признания... А зачем сопротивляться, а? Раньше признаетесь, раньше под суд пойдете. А условия содержания в камерах предварительного заключения у нас куда хуже, чем на зоне...

– Так ради чего, по-вашему, мне нужно было убивать Айвазова? – изо всех сил подавляя просачивающуюся изнутри тела дрожь, возвратил его к прежнему вопросу Баканин.

– А очень просто. – Алехин словно констатировал всем известные факты, утверждая, что небо синее, а листья с деревьев облетают осенью. – Уральский пансионат является филиалом московского пансионата с тем же названием, «Уралочка». В настоящее время пансионат формально подчиняется крупной корпорации с мифическим, так скажем, названием «Зевс». Вы, гражданин Баканин, хотели незаконно завладеть пансионатом «Уралочка» в городе Александрбурге. И осуществили свой преступный план! Для чего в неустановленное следствием время, в неустановленном следствием месте встретились с гражданином, чье имя вам отлично известно, и передали ему деньги в неустановленном следствием размере на убийство Рубена Айвазова. Ваше доверенное лицо, которое мы в ближайшем времени арестуем, наняло исполнителя...

– Где доказательства? – Баканина трясло уже в открытую. – У вас же одни голословные утверждения! Предъявите мне доказательства! У вас их нет!

Следователь встал, прошелся по кабинету, взглянул в потолок, точно поэт, который ищет вдохновения.

– Вся загвоздка заключается в том, – менторским тоном сообщил Алехин, точно вдохновение было им обретено, – что схема заказного убийства элементарно проста. Есть исполнитель, чаще его называют «киллером». – На таких словах, как «киллер», Алехин ставил ударение, словно окавычивая их, только не на письме, а вслух. – Есть «организатор» – этот человек отвечает за техническую часть мероприятия. По поручению «заказчика», получив от него деньги, он выходит на киллера. Организатор передает киллеру деньги своего клиента. Он же оговаривает детали убийства. Но проследить связь заказчика с исполнителем практически невозможно. Связь с киллером имеется только у организатора...

Продолжения этой речи Валентин безмолвно вынести не мог. Он чувствовал, что сейчас закричит, не вытерпит, взорвется. В ушах у него зазвенело, перед глазами снова начала расплываться какая-то муть. «От гнева», – машинально отметил он, подумав, между прочим, что и избиение могло иметь кое-какие физиологические последствия...

– Слушайте, гражданин следователь, – Валентин невольно повысил голос и тут же вынул себя говорить тише, – это полная ерунда, что вы тут только что сказали. Когда это я

захватывал пансионат «Уралочка»? Посмотрите вы в документы: «Уралочка» отродясь не была собственностью «Зевса»! Она находится в собственности фирмы «Уральский инструмент», которой управляют Леонид Ефимов и Марина Криворучко, а вовсе не я...

– Но «Уральский инструмент» принадлежит концерну «Зевс», – гнул свое следователь.

– Нет! Уже в дни убийства Айвазова это были два совершенно разных предприятия! Посмотрите документы: когда я возглавил «Зевс», то добровольно отказался от своего участия в управлении уральскими фирмами, возложив эти обязанности на своих друзей... на лиц, которым я доверяю... Можете проверить! Я вас прошу только об одном: проверьте! Ведь это же так легко!

«Как же, станет он проверять, – тоскливо подумалось Валентину. Приплясывающие на столе белые пальцы следователя Алехина вызвали у него такое отвращение, что он вынужден был отвернуться, чтобы не видеть их. – Ему совсем не хочется устанавливать истину, кто убил Кинга и его семью. Ему хочется обвинить меня. Тогда чего ради я перед ним тут распинаюсь? Рациональнее молчать, беречь силы». И Баканин замолчал.

– Ага, отмалчиваетесь? – как-то наигранно, без искренности торжествовал Алехин. – Отворачиваетесь?

Стараясь не смотреть на торжествующего Алехина, Валентин устремил взор в угол комнаты, где с начала допроса обретался какой-то человек среднего роста и средних габаритов – не худой и не толстенький. Все в нем было нейтрально, как-то проходя мимо внимания: и коричневый костюм, из-под которого виднелась светло-бежевая рубашка, и мышиного цвета волосы, и черты лица.

– По-моему, на сегодня достаточно, Сергей Владимирович, – сделал робкую попытку вмешаться нейтральный человечек.

– А я вас не спрашивал, Борис Аристархович. – Кажется, отчество – единственная нестандартная черта, которой мог похвастаться нейтральный обитатель угла следовательского кабинета. – Кстати, гражданин Баканин, это ваш адвокат, Борис Аристархович Фадин.

– Но у меня есть свой адвокат. Я требую, чтобы он прибыл сюда!

– Можете требовать, сколько угодно. – Лицо следователя по особо важным делам перекопилось и на несколько минут перестало напоминать лицо героического капитана дальнего плавания. – Адвокат у вас будет наш, или вообще придется вам обходиться без адвоката. Ну так как, надумали? Согласны с обвинением?

– Не согласился и не соглашусь.

Как ни старался, больше Алехин ничего добиться в тот день не смог. Баканин ни в чем не признавался, ничего не подписывал, даже спорить перестал. Он думал, что снова будут бить, возможно, пытаться, но никто его не тронул даже пальцем. Поняв, что выудить из обвиняемого свеженькие признания не удастся, Алехин распорядился отправить его в камеру предварительного заключения. Конечно, там тоже был не курорт, и все же Баканин с облегчением воспринял эту временную перемену участи.

«Ефимов и Криворучко, – стучало в висках. – Баканин, Ефимов и Криворучко. Трое из шести. Трое живы, трое убиты. Из трех живых один в тюрьме... Привет вам, бывшие „реаниматоры“!»

Вторая картина из прошлого РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

Самый молодой в Уральском политехническом институте профессор, Руслан Шаров, пользовался любовью студентов не за то, что ставил оценки с поправками. Наоборот, во всем, что касалось проверки знаний, он был требователен и строг. И даже не за то любили его, что он, не кичась своими научными регалиями, установил со студентами доверительный товарищеский стиль общения. Конечно, это было важным обстоятельством, но не главным. А главное в Шарове заключалось в том, что он действительно был блестящим ученым. Студенты всегда чувствуют, кто перед ними: равнодушный транслятор текста учебника или человек, преданный любимому делу. Преданность делу светится в глазах, делает речь точной, а руки – умелыми. Умелые руки требовались Руслану Георгиевичу как нельзя больше, так как он работал с электронно-вычислительными машинами, как раз в те годы утратившими свое громоздкое советское название и получившими то иностранное имя, которым их теперь называют: компьютер. Иными словами, Шаров принадлежал к числу тех первопроходцев, которые одновременно постигали «хард» и «софт». И даже параллельно изучению старался при помощи своих чутких пальцев и пытливого ума усовершенствовать эту мигающую глазом монитора коробчатую редкость, которую институт приобрел за сумасшедшие деньги.

– Лет через двадцать, а может, и раньше, – предсказывал Шаров, – компьютер войдет в каждый дом. Как сейчас телевизор.

Преподаватели спорили, стыдливо улыбались или попросту не поддерживали этот футуристический разговор. Не верили.

Зато студенты верили! Особенно эти, самые талантливые, цвет института: Баканин, Ефимов, Айвазов, Пармонов... Им не забыть эту лабораторную по физике. Преподаватель вышел из аудитории, оставив их наедине с оборудованием. Оборудование было им знакомо, и тема трудностей не представляла, а вот чертить в тетрадах систему координат, вычислять точки, выводить формулу, строить кривую – что за морока! Заглянул Шаров. Удивленно улыбнулся: «А что это вы паритесь? У вас же компьютер стоит!» И впрямь стоял – в углу аудитории, в полнейшей заброшенности. Языку программирования «бейсик» их всего пару недель учил не Шаров, а другой препод. Единственное, чему студенты научились за время этих занятий – включать и выключать компьютер, а так как в те замшелые времена о «Виндоусе» и не слышали, то делалось это элементарно... А еще постигли ужас до чего высокоумные основы игры в «Тетрис». Ни то ни другое помочь в лабораторной работе не могло, о чем студенты откровенно сообщили Руслану Георгиевичу. Улыбнувшись еще раз и промокнув платочком зеркально-нагую голову, Шаров сел к компьютеру. На экране засветилась сине-белая таблица. Разминочной пробежкой пальцев по клавиатуре Шаров вызвал программу и попросил продиктовать полученные в ходе лабораторной работы числа. А дальше... Дальше начались сплошные чудеса. Каким-то невероятным образом за считанные секунды на экране возникла кривая – та самая, которую путем долгих потений и терзаний им пришлось бы выводить самостоятельно. Более того, к безукоризненному графику прилагались выкладки, которые находились за гранью студенческой лабораторной...

– Как видите, – добродушно сказал Шаров, – вот что умеет компьютер. Компьютер – это, конечно, не заменитель головы, но вот избавить ваши и без того загруженные головы от нудной механической работы – в его возможностях.

Как было после такого фокус-покуса не прийти в восторг от идеи компьютеризации производства? А с нее-то все и началось...

Как ни странно, невольным инициатором создания «бригады реаниматоров» выступил не всеобщий любимец и естественный лидер Валька Баканин и даже не мрачноватый умница и остроумец Ленья Ефимов. На эту идею натолкнулся Айвазов – Кинг – который еще до оконча-

ния института начал подыскивать высокооплачиваемую работу. Не для того он учился, чтобы на родительской шее сидеть! Времена менялись, жизненный пласт брежневской пассивности уплыл в открытое море намечающегося капитализма, суля осуществление великих надежд. Дух захватывало от намечающихся возможностей, которыми манило начало девяностых. Можно было либо все приобрести – либо все потерять. Многие вдавались в авантюры, где гибли или выигрывали... Но об этом – чуть позже. Сейчас об Айвазове. Кинг не хотел отрываться от любимой специальности, на получение которой угрохал пять (может быть, лучших!) лет, поэтому не соблазнился торговлей, когда все вокруг торговали как угодно и чем угодно. Кинг отправился на химическое предприятие – крупное, однако... в общем, так себе предприятие. Сотрудникам зарплату выплачивали кое-как, и они продолжали ежедневно ходить на работу, должно быть по инерции или руководствуясь слепой верой, что в один прекрасный день все изменится. Бухгалтерия велась с чудовищными ошибками – отчасти и за счет того, что весь ее штат составляли пенсионерки с арифмометрами и молодые недоучки. Оборудование, тяжелодумное и ржавое, не менялось с семидесятых годов. Об автоматизации производства не приходилось даже мечтать.

Обо всех минорных впечатлениях Рубен Айвазов поведал своим друзьям.

– Если бы еще у них были компьютеры! – посетовал он. – Все-таки легче было бы контролировать производство. Может быть, посоветоваться с Шаровым? Он ведь должен заниматься не только теорией, но и практикой...

– Посоветуйся, – кивнул Артур Райзен. Вне сессии Ипа-ипохондрик часто производил впечатление вполне разумного и не такого уж нервного молодого человека. – А что касается автоматизации химического производства, можешь посоветоваться хоть со мной. Сам знаешь, по какой теме я диплом защищал.

– Чего мелочиться! – развеселился Кинг. – Айда все ко мне, работу каждому найду. Марина займется бухгалтерией, Руслан Георгиевич – компьютерами, Валька и Леня – инновационными разработками, Парамонов починит стоящую поточную линию, пока суд да дело. А почему нет? Вместе учились, вместе и работать будем.

Идею в ее первоначальном виде никто не оценил.

– Кинг, ты, конечно, щедр, как король, – сощурился Ефимов, – но я этого коллективизма не понимаю. Лично я не собираюсь связывать всю жизнь с твоей химической богадельней. Допустим, мы восстановим производство – что, кстати, еще не факт, – но дальше быть прикованным к одному предприятию...

– А если не к одному?

Отрицать не получится, первый импульс подал Рубен Айвазов. Но развил его, как всегда, Валька Баканин. И, как всегда, дергая себя за нос, что у него служило признаком интенсивности мышления:

– Парни, вы чего? У нас же не крепостное право, никто никуда не прикован. Давайте создадим такую... ну, что ли, бригаду! Передвижную, мобильную, современную! Приходим на умирающее предприятие и комплексно, совместными усилиями делаем все, чтобы его спасти. Будем лечить бизнес так, как врачи лечат больных. Используя свои знания и умения, а они у нас есть, парни...

Дружеское обращение «парни» не показалось смешным даже присутствовавшей на этой легендарной вечеринке Марине. Никто не смеялся. Все думали.

– А что мы с этого поймеем? – первым озвучил всеобщие сомнения Ефимов.

Валькин нос горел, как верхнее оконце светофора, свидетельствуя о том, что этот вопрос тоже не останавливает полет его делового вдохновения.

– Нет проблем! Мы не только спасаем предприятие, но и оказываемся в числе его совладельцев. За умирающее предприятие никто цепляться не станет, а когда оно станет рентабельным, прибыль – нам. Идет?

– Надо посоветоваться с юристами, – заявил Леонид. – У меня как раз есть один знакомый... одна знакомая... Идея сомнительная, но может, и проканает...

Но все поняли так, что идея замечательная. А Ефимов злится потому, что не он это выдумал. Друзья знали за ним эту не самую приятную черту: хоть и получит пятерку на экзамене, а все-таки пошлет недоброжелательный взгляд в сторону того, кого строгий экзаменатор похвалил больше. Вот ведь, оказывается, даже умные люди бывают завистливы...

Но с этим ефимовским качеством охотно мирились. Мало ли у кого какие недостатки! В конце концов, все они друзья! А теперь еще, кроме студенческой дружбы, их связывает членство в «бригаде реаниматоров».

Кстати, название придумал Леонид Ефимов. После того, как по своим юридическим каналам удостоверился, что идея и впрямь стоящая...

Александрбург, 17 марта 2006 года, 11.25.

Валентин Баканин – Борис Фадин

Следователь по особо важным делам Сергей Владимирович Алехин, как уже догадался читатель, не придавал особого значения нарушениям законности. Точнее сказать, он походя нарушал все, что можно нарушить. Однако в одном пункте он остался скрупулезно верен букве закона, а именно: даже он не осмелился лишить Баканина встречи с адвокатом. Как положено, один на один. Правда, адвокат был не тот, которого выбрал бы для себя Баканин, а тот, которого дал ему Алехин...

Собственно, последний факт и послужил источником недоверия, которое питал Валентин к своему навязанному врагами защитнику. Да полно, будет ли этот человек его защищать? Такова ли его функция? А может быть, вопреки обязанностям адвоката, он станет склонять подзащитного к тому, чтобы признать все нелепые обвинения, которыми его тут закидали? Наверняка станет уверять, что Баканину не избежать тюрьмы и лучшее, что он может сделать – добиться, чтобы скостили срок... К чертям собачьим такую защиту! Валентин Баканин невиновен, слышите вы, не-ви-но-вен! У него есть свое доброе имя, у него еще осталась такая непостижимая, эфемерная для некоторых штукавина, как честь. Что там говорил Алехин насчет адвоката? «Если не хотите этого, не получите вообще никакого», что-то наподобие того. Ну так пожалуйста! Лучше Баканин будет защищаться сам! По крайней мере, сам на себя он всегда может положиться. Кажется, он сам – это единственный человек, которому в этом гадюшнике стоит доверять...

Вышеприведенные соображения, правда, в более вежливой форме, но так же эмоционально Валентин Баканин обрушил на Бориса Аристарховича Фадина. Валентина можно было понять: мало кто на его месте удержался бы от выплеска эмоций. После предъявления обвинения в КПЗ ему всю ночь не давали спать. Мало того что в переполненной камере и без того не больно-то хорошо спится, так еще история: только начинаешь засыпать, вдруг – грубый толчок в плечо! Кто толкнул? Поди разберись, когда все помещение вплоть до лампочки над дверью забито ожидающими решения своей участи! Снова начинает засыпать – снова его пинают, метя по лодыжке... В конце концов Валентину пришлось сознательно бороться со сном, то и дело соскальзывая в болезненную горячую полудремоту. Но если кое-кто думает, что такими методами вынудит его подписать самооговор, этот кто-то крепко просчитался.

Борис Аристархович Фадин выслушал подзащитного не перебивая, только мелко пошмыгивая носом, словно, как животное, воспринимал главную информацию не зрением и не слухом, а нюхом. Очевидно, запах Валентина заставил его загрустить, потому что редковатые русые брови Фадина расположились домиком, придавая лицу сочувственное выражение.

– Уважаемый Валентин Викторович, – мягко сказал Фадин, – я понимаю, у вас много оснований мне не доверять...

Валентин, истощивший запасы красноречия, кивнул. Он несколько дней не брился, и светлая, жесткая, отрастающая пучками щетина не украшала его помятое, выжатое бессонницей лицо. Прибавьте сюда плачевное состояние одежды – как мало нужно, чтобы внешне превратить крупного бизнесмена в бродягу!

– И я могу подтвердить, что вы правы в своем недоверии, – неожиданно завершил Борис Аристархович. – Не знаю, много ли мне удастся для вас сделать. На меня оказывают сильное давление, так же как и на вас. Ваше дело шито белыми нитками, но уж кого здесь хотят засудить, того засудят. Только не думайте, что я против вас. Да, горько бывает видеть, как преступник ускользает от заслуженного наказания, но еще горше, когда наказанию подвергается невинный...

Валентин, выпрямившись на привинченном к полу стуле, смотрел на своего адвоката расширенными глазами:

– Но если вам горько это видеть, то постарайтесь! Сделайте же что-нибудь! Не бывает так, чтобы не оставалось совсем никакого выхода!

– У вас есть влиятельные знакомые, которым вы полностью доверяете? – деловито спросил Борис Аристархович.

Валентин воспрянул в надежде, но сразу же поник, точно вспомнил что-то неутешительное:

– Здесь, в Александрбурге, или в Москве?

– Хоть в Аддис-Абебе. Гарантирую, что свяжусь с теми, кого вы назовете, и передам, где вы и что с вами.

Валентин пристально уставился в невыразительное, малопримечательное лицо Фадина. А что, если адвокат все-таки ненадежен? Что, если таким способом он вынуждает обвиняемого назвать своих покровителей, чтобы вывести их из игры? А что, если, называя своих друзей и знакомых, он ставит их под удар? Их могут убить, избить, похитить – шайка-лейка, которая захватила его, способна на что угодно... Но если Валентин не ухватится за соломинку, которую протягивает ему Фадин, другой такой оказии может и не представиться. Тогда глава концерна «Зевс» сгниет в александрбургских застенках, и об этом так никто и не узнает. А, была не была!

– Хорошо, записывайте. Московский адвокат Роберт Васильев. – Валентин продиктовал Фадину номер мобильного телефона Роберта, который на всякий случай заучил наизусть. Вот когда он пригодился! – Также в Москве: адвокат Юрий Гордеев...

– Юрий Петрович? Из десятой юрконсультации?

– Вы с ним знакомы?

– Нет, но наслышан. В адвокатских кругах России Юрий Гордеев – фигура видная. Если он на вашей стороне, ваши дела не так уж плохи!

Должно быть, Фадин собирался приободрить подзащитного, вселить в него, так сказать, волю к победе. Но в данный момент дела Баканина продолжали оставаться плохи, и он об этом не забывал.

– Я хотел бы передать с вами записку для Гордеева.

Валентин все еще продолжал в глубине души не доверять адвокату и опасался, что дело в его интерпретации будет выглядеть совсем по-другому – не так, как в глазах самого Валентина.

– Конечно-конечно, пишите. Так даже лучше. Он знает ваш почерк?

– Не уверен. Но я все-таки напишу.

Стержень шариковой ручки, должно быть, претерпел немало испытаний в этом кабинете, где ею пользовались все кто ни попадя. Ручка царапала бумагу, оставляла на ней дополнительные порции чернил, похожие на мушиные точки. Но, несмотря на все помехи, Баканин упорно выводил строку за строкой...

– Поторопитесь, – призвал Баканина адвокат, взглянув на солидные позолоченные часы, отягощавшие волосатое запястье.

Валентин отложил ручку:
– У меня все.

Александрбург, 18 марта 2006 года, 1.15.

Ксения Макарова

«Ленчик мною пользуется».

Эта незамысловатая мысль засела в мозгу Ксении Дмитриевны Макаровой, отравляя одной из самых влиятельных женщин Александрбурга и утреннее пробуждение, и ночной отход ко сну, и частые в течение дня приемы пищи (еда и секс, по мнению Макаровой, составляли значительную часть того, ради чего вообще стоит жить). А также эта мысль отравляла работу... И деньги. Получаемые за работу деньги. Что, если разобраться, было просто нестерпимо: большие деньги должны приносить удовольствие. Тем более такие огромнейшие деньги, которые получала Ксения.

Возможно, кто-то удивится: неужели должность начальника следственного управления, которую занимает Макарова, относится к числу высокооплачиваемых? Неужели труд этих людей вознаграждается миллионным состоянием? И конечно, удивление будет правомерным. За свой основной труд Ксения получала не сказать чтобы много. Ну, допустим, на квартплату, одежду, питание одинокой женщине вполне хватит. Но из каких источников оплачивалось все остальное? Две машины – одна отечественная, другая иномарка; соответственно к ним бензин. Три квартиры – в разных районах города. Строящийся под Александрбургом дом с бассейном и зимним садом. На этом фоне одежда от престижных модельеров, изготовленная на заказ, специально под ее приземистую плотную фигуру, выглядела мелочью, дамским пустячком... Неужели все это Ксения заработала?

Да, она это заработала! Однако об основных служебных обязанностях в данном случае речь не идет. Ксения Макарова получала крупные куши не за них, а за работу совсем иного рода. Может быть, кто-то не назвал бы это работой; может быть, кто-то подобрал бы для наименования этого совсем другие слова – вплоть до жесткого и предельно исчерпывающего тему слова «преступление»... Но Ксения Макарова не стала бы выражаться так резко. Если бы вы заговорили с ней об этом, она полуприкрыла бы свои большущие, широко расставленные, все еще красивые и полные африканской страстности глаза и произнесла бы томным, низким голосом, созданным для песен: «Ну как же еще прокормиться несчастной женщине?»

Несчастье Ксении заключалось как раз в том, что она была женщиной – и при этом была умнее мужчин... По крайней мере, так она полагала. Деловое предложение, исходящее от женщины, мужчина всегда воспринимает неохотно, предпочитая предложения коллег-мужчин, даже если они менее выгодны. Мужчина прислушивается к женщине при одном условии: если женщина не только коллега... Если при этом она для него еще и женщина! Выстроив эту схему у себя в уме и крепко поверив в нее, Ксения на протяжении всей своей служебной биографии воплощала тезисы в жизнь. Тем более что телесные соприкосновения для нее не несли никакой эмоциональной нагрузки. Трахнуться для того, чтобы продвинуться по службе или просто, чтобы получить удовольствие? Какие могут быть проблемы! Расставшись с девственностью в четырнадцать лет в компании одноклассников, Ксения раз и навсегда уяснила для себя: в этих телодвижениях нет никакого сверхъестественного смысла, который учат в них видеть представители старшего поколения в компании с художественной литературой. Ах, любовь-морковь! Ах, влюбленные, погибшие от любви! Погибнуть от любви, считала Ксения, можно только в одном случае: если плохо предохраняться и после попасть на криминальный аборт. Но это для невинных дурочек. Ксения отнюдь не была невинна. И отнюдь не была дурочкой. Разве дурочка смогла бы продумать и осуществить такой непростой план?

Из образа действий Ксении Макаровой вытекало следующее: она не доверяла свои наиболее ценные мысли мужчинам, с которыми не спала. Прежде чем посвятить мужчин в свои

планы обогащения (тем более идущие вразрез с законом), она посчитала нужным плотно привязать их к себе. А мужчин было двое. Один был начальником Ксении, другой – ее подчиненным. Но оба были ей нужны, и она спала с обоими. Не одновременно – группен-секс не входил в число ее излюбленных удовольствий, – не афишируя обе эти связи, но и не особенно скрывая... Если они – прокурор Александрбургской области Нефедов и «важняк» Алехин – обсуждают между собой, какова их общая подруга в постели, Ксению это никак не касается. Она позаботилась о том, чтобы этим двоим было что обсуждать, кроме бабских сисек-пиписек.

– Прокурорский бизнес, – шепнула она – сперва подчиненному, потом начальнику – в момент расслабленных посткоитальных ласк.

– Чего-чего?

Реакция и у того и у другого получилась стереотипная. Мужчины после секса вообще резко тупеют, будто вместе со спермой теряют маленькие серые клеточки головного мозга. Зато Ксения даже после оргазма сохраняла мозги в трезвости. И она поделилась – и с подчиненным, и с начальником – плодами выстраданных размышлений. Она нежным голосом, не нарушающим кайфа, подсказала, что на прекращении производства уголовного дела (что означает свободу для преступника) можно заработать. В самом деле, сколько можно охранять закон за грошовую зарплату? Это непорядок. Надо, чтобы закон время от времени отворачивался в сторону, позволяя блюстителям законности поправить свое материальное положение. Собственно, им и делать ничего не придется: заинтересованные люди охотно расстанутся в их пользу с определенной суммой, а тут уж, как говорится, раз дают, грешно не брать... Сколько брать? Знающие люди вам скажут, что имеется стандартная такса в тридцать тысяч долларов. Конечно, многое зависит от тяжести статьи и прочих деталей, но в среднем сумма именно такова.

Может возникнуть вопрос: насколько долго сопротивлялись предложению Ксении ее мужчины, и сопротивлялись ли вообще? Вероятно, не очень сопротивлялись, ибо эта далеко не святая троица скоро стала жить материально гораздо лучше, чем до образования «прокурорского бизнеса». Что касается моральной стороны дела, то с ней не возникло ни малейших трудностей. Относительно страха разоблачения – здесь, конечно, определенные трудности возникали, но если учесть, что сотрудники милиции и прокуратуры, работающие в одной области, как-никак не чужие друг другу, получалось, что в итоге все не так уж страшно. Кое-кому отстегнуть на лапу, кое-кого заинтересовать долей в прибыли, кое-кому просто напомнить, что все мы, мол, одним миром мазаны, одной веревочкой повязаны, – и дело в шляпе.

Прошло некоторое время. И вот предприимчивая Ксения, развивая и укрепляя свои отношения с начальником и подчиненным, открыла перед ними новые перспективы их маленького совместного предприятия. А для этого поставила такой, казалось бы, сугубо теоретический вопрос: сколько возьмут следователь и надзирающий за ним прокурор, чтобы сфабриковать уголовное дело на полностью невиновного человека? Совершенно ясно, что тут денег потребовать можно значительно больше, чем тридцать тысяч долларов. Тут давать нужно не одному, а нескольким лицам: и лжесвидетелям, и практически всем участникам судебного процесса, начиная от следователя прокуратуры и заканчивая судьей... К чему мелочиться? Миллион долларов потребовать можно!

Если речь идет о нераскрытом убийстве, то нужно уговорить какого-нибудь наркомана или бомжа взять убийство на себя. А этот бедолага, в свою очередь, должен правильно указать на «организатора» преступления. Мол, такой-то гражданин вручил мне такую-то сумму для устранения такого-то лица. Все просто. Осуществление детальной схемы, конечно, влетит в копейчку, но ведь и поиметь можно гораздо больше, чем за мелочевку!

Кто заплатит за обвинение невиновного? Ну, знаете, Ксения это берет на себя. И после недолгого выжидания... ну да, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы угадать: на сцене появится еще один человек, который связан с Ксенией узами секса. А именно: Леонид Ефи-

мов, который неоднократно делился с любовницей своими служебными проблемами. В итоге все должны быть довольны. Одна сторона получает деньги, другая – устранение того, кого следовало устранить... А организовала все она, Ксения!

Но если Ксения так разумно и удачно все распланировала, почему ее злило то, что Леонид Ефимов ею пользуется?

Причем злило это ее всерьез. Просыпаясь ночами, она вспоминала в подробностях свою историю взаимоотношений с тем, кого по прежней памяти называла Ленчиком, и на женщину, которая все чаще ощущала себя немолодой, обрушивалась волна терзаний. То, как беззастенчиво пользовался ее должностными услугами тот, кого она знала неоперившимся пареньком с большими амбициями и малыми возможностями их реализации, заставляло ее сомневаться в себе. И мерещилось уже Ксении, что их случайное транспортное знакомство вовсе не было случайным, а Леонид, уже тогда упорно-расчетливый, выследил ее и подкараулил, точно вычислив, что на Ксению подействует его тип внешности – широкими сросшимися бровями и узким лицом Ефимов напоминал ее первого постоянного партнера (школьные эксперименты не в счет), с которым у Ксении чуть было не образовалась любовь-морковь... а, ну да ладно! Дело не в том, давно исчезнувшем с ее горизонта юноше. Дело все-таки в самом Леониде. Честность вынуждала Ксению признаться, что поведение Ленчика раздражает ее потому, что он ведет себя по отношению к ней так, как она привыкла себя вести по отношению к мужчинам: высасывать их досуха, беря от них все, что можно, обменивая секс на деловые услуги и привязывая сексом во имя будущих деловых услуг. Ксения горько подумала, что для Леонида она не так уж привлекательна: как же, толстуха! У Ефимова вкусы изысканные. То ли дело Мариночка-тростиночка...

Присутствие в новом деле Марины Криворучко также крепко досаждало Ксении. Правда, с ней она напрямую не общалась, тем не менее одно упоминание о Марине способно было испортить Ксении настроение на весь день. Непохожие внешне, по складу характера эти женщины могли бы быть сестрами. Неизвестно, догадывалась ли об этом Марина, но Ксения с самого начала раскусила в той, кого вряд ли стоило считать своей соперницей, жажду материальных удовольствий и невозможность удовлетвориться одним мужчиной. Как, спрашивается, госпожа Криворучко достигла своего нынешнего положения гендиректора в фирме «Уральский инструмент»? То-то же! И нечего ее превозносить в ущерб Ксении.

Даже то, что госпожа Криворучко не так давно овдовела, не смягчило Ксению по отношению к ней. Не всех своих мужей Марина потеряла – всего лишь одного! Она же образец древней полиандрии, когда женщина заводит себе «семью» из нескольких мужчин, которые работают на нее и ублажают. Захочет, возьмет себе кого-нибудь еще. Для нее это не проблема!

Александрбург, 18 марта 2006 года, 12.05.

Валентин Баканин – Петр Самойлов

Когда Валентина Баканина снова вырвали из камеры и повели куда-то, он подумал, что будет новый допрос. Дураки, неужели они думают, что он все-таки себя оклеветает? Или... все-таки пытки? Такие, как избивание в мешке, или кое-что покрепче? Невесть откуда в памяти всплыла леденящая информация об одном излюбленном у нашей доблестной милиции способе пытки: человеку, который не хочет сознаваться в том, чего не совершал, надевают противогаз и пережимают шланг. После первого же раза сознается большинство бедняг, а после второго-третьего – самые стойкие... У Баканина перехватило горло. Снова показалось, что он тонет – без надежды выплыть...

Однако судьба его, как оказалось, пока миловала. Наверное, его истязатели решили, что еще не перепробовали на нем всех способов словесного убеждения. Один из этих «способов», как выяснилось позднее, был приведен в тот же кабинет следователя, что и Баканин. Кроме знакомого уже Валентину «важняка» Алехина и конвоиров, в кабинете присутствовала неиз-

вестная пока что полноватая женщина средних лет и еще какой-то тип. Поначалу Валентин взглянул на последнего без особого любопытства. За километр обнаруживалось, что это – обитатель КПЗ, такой же, как и сам Валентин. Собрат по несчастью, так сказать. На обоих была не казенная роба, выдаваемая только заключенным, а своя одежда, но такая мятая, пятнистая и несвежая, что сразу угадывалось: в ней давненько уже и спят, и едят, и справляют другие надобности. В придачу одежка собрата по несчастью, состоявшая из бесформенных штанов и штопаного серого свитера с узором из бегущих оленей, до сих пор сохранила алкогольный запах, который не выветрился даже под воздействием более напористого, но менее стойкого тюремного духа.

Внешне обитатель КПЗ соответствовал и своей одежде, и исходящим от нее ароматам. Его лицо, не отмеченное печатью высокого интеллекта, обнаруживало в блеске крохотных подвижных глазок, бродящих в орбитах кругами, словно тигры по клеткам, какую-то безумную хитроватинку, сигнализирующую, что обладатель таких глаз способен на любой неожиданный поступок, который ему в голову взбредет: то ли с моста прыгнуть, то ли тормозной жидкости хлебнуть, то ли подвиг совершить. Цвет кожи – темноватый, словно от нездорового загара: возможно, сказывается привычка постоянно находиться на свежем воздухе, а возможно, плохая работа печени, сдающей от излишеств. Судя по шамкающей речи, часть зубов, несмотря на далеко не старый возраст, потеряна... Но несмотря на беззубость и плешь, просвечивающую сквозь негустые волосы головы, Валентин угадал, что напротив сидит его ровесник. Ну, может, человек, старше на пару лет.

– Привет, убивец, – сказал ровесник.

До Валентина не сразу дошел смысл сказанного. Точнее, формальный смысл дошел, а истинный – не совсем.

– Я не убийца, – миролюбиво объяснил Валентин этому человеку, который, должно быть, искренне заблуждается по его адресу. – Меня напрасно обвиняют. Те, кого убили, мои друзья, я их не убивал.

– Да уж я знаю, знаю, что ты не убивал, – охотно согласился ровесник, и Валентину показалось, что искорка безумия в глазах сверкнула отчетливее. – Сам – не убивал. Моими вот этими руками убил. – Он потряс перед собой растопыренными пальцами, грязные обломанные ногти которых врезались в сознание Валентина, как нечто незабываемое и трагическое. – Я и есть Самойлов. Тот самый Петя Самойлов, кому ты заказал дружба своего, армяшку. А я что же, я всегда пожалуйста. Черножопых резать надо. Пусть поменьше шлятся по нашей исконной русской земле.

– Я вас впервые вижу, – сказал Валентин. Глупо, примитивно, но больше ему ничего не пришло в голову.

– Правильно, – подтвердил Самойлов с ласковой, щербатой, как у первоклассника, улыбкой. – Тебя и видеть меня было не хрена. Ты же у нас, бля, важная шишка, в Москве сидишь, по-английски говоришь. А заказ ты передал через своего бухгалтера, помощника...

– Вадима Мускаева, – подсказал следователь Алехин, предупредительно наклонившись к Самойлову, точно официант, подносящий клиенту затребованное блюдо.

Темная кровь запульсировала в висках Баканина. Мускаев, бухгалтер московского отделения «Уралочки»? Он-то здесь при чем? Что с ним? Неужели его тоже схватили и привезли в Александрбург? А этот насквозь пропитой тип, мог ли он на самом деле убить Кинга? Как, зачем – вследствие мгновенного импульса, поступившего из дебрей его запутанного алкогольного сознания, или ему действительно заплатили? Все эти вопросы закружились хороводом и атаковали Баканина так агрессивно, что он, не помня себя, привскочил со стула, привинченного к полу. Но ему тут же надавили на плечи, вынудив сесть обратно. Кроме того, наручники, которые предварительно надели на Баканина, видимо, в предвидении таких эксцессов, не позволили бы ему сделать что-либо с этим типом... с этой алкогольной глумящейся рожей...

– При чем здесь Мускаев? – выкрикнул он.

– Спокойнее, спокойнее, гражданин Баканин. – Валентина едва не затошнило от отвращения, когда следователь Алехин по-отечески снисходительно похлопал его по плечу. – Ваш сообщник Мускаев от нас никуда не денется. Мы еще устроим вам очную ставку – и вам, и Самойлову, и Мускаеву. А пускай сейчас гражданин Петр Самойлов расскажет все, что ему известно по этому делу. Петя, говори.

– Известно мне, значит, – точно школьник, подхватывающий реплику учителя, завел Самойлов, – что гражданин Вадим Мускаев пришел к нам в поселок, а мы как раз все трое были выпимши...

– «Мы» – это кто? – подкинул наводящий вопрос следователь Алехин.

– Ну, я, брательник мой Егор и еще Родька Машкин – моей жены брат. Стоим возле ларька и соображаем, чем бы догнаться – бабок в обрез. Подходит он, значит, и спрашивает: «Мужики, я вижу, вам деньги нужны?» Я говорю: «Кто ж от них отказывается?» Он говорит: «Вот и ладушки. Вы мне дело – я вам деньги». Я говорю: «А чего делать-то?» Он и объяснил, что надо тут замочить одного богатея. А я как, бля, узнал, что богатея, да еще черножопый, так сразу согласился. Родька гундеть что-то стал, что на мокрое дело не подписывается, а я ему напомнил, как его сеструху Лизку, она мне тогда еще женой не была, в восемьдесят девятом году один грузин едва не отпиндосил. Прямо на улице в городе, прикинь, а? Грузин там, или армянин, или еще там, бля, какой горный орел, – все они на одно лицо. На рынок придешь – сплошная, бля, чернота, некуда ступить прирожденному русскому человеку...

В Петре Самойлове погиб, точнее, утонул в спиртном, незаурядный артист разговорного жанра. При помощи скурых изобразительных средств Самойлов сумел так зримо и выразительно представить сценку беседы заезжего подозрительного хмыря с местными алкоголиками, склонными, как водится, порефлексировать на тему национального вопроса, что Баканин почти поверил, что так оно и было. И поверил бы полностью, если бы не знал, что Вадим Мускаев ничуть не похож на вышеописанного хмыря в самоеловском исполнении. И что совсем незачем ему было нанимать киллеров для убийства Рубена Айвазова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.